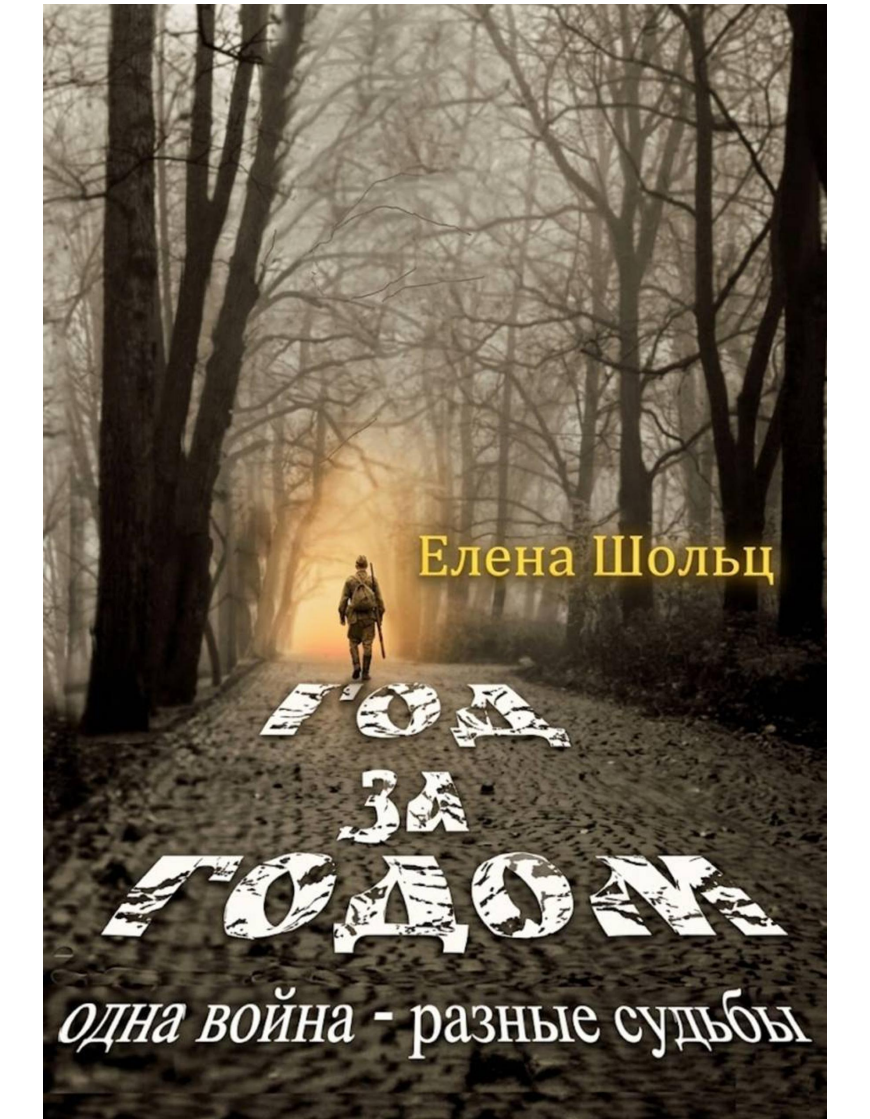

A person in military gear, seen from behind, walks down a dirt path in a dense forest of bare trees. At the end of the path, a bright, hazy light emanates from the trees, creating a strong backlight effect. The overall mood is somber and contemplative.

Елена Шольц

ГОД
за
ГОДОМ

одна война - разные судьбы

Елена Шольц
Год за годом. Одна
война – разные судьбы

<https://litres.ru/73749972>

SelfPub; 2026

Аннотация

В основе сюжета реальные истории людей из разных стран, чьи судьбы пересеклись во время Второй мировой войны. Случайные встречи героев повествования приводят к необычным поворотам событий. Несмотря на время и место действия, в романе нет батальных сцен. В центре повествования дружба, любовь, товарищество, взаимовыручка. Главная идея: всегда, при любых обстоятельствах нужно оставаться человеком.

Содержание

1940	4
Нет, только без меня!	4
Пеший адмирал	18
Пот экономит кровь	29
Я просто стрелял мимо мишени	37
Фея	45
1941	50
Урожай росы	50
Английский шпион	65
Бунтарская щётка	76
1942	84
Охота на дроф	84
Нет праздника без безобразника	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Шольц

Год за годом. Одна война – разные судьбы

1940

Нет, только без меня!

В отличие от многих восторженных патриотов Генрих не рвался на войну. Он не был трусом, он тоже любил своё отечество, просто не хотел убивать и ещё меньше хотел быть убитым.

– Ну, и позор! – он швырнул „Народный обозреватель“ на стол, вскочил на ноги, с грохотом задвинул стул и заметался по комнате.

– Генри, ну, что ты кричишь на всю округу? Закрой окно, – слышался из кухни голос жены.

Из окна столовой виднелась крыша невысокого сарая, дальше простирался сад. Справа находился участок соседей, живших в другой половине дома. Бездетная пара уверяла всех и каждого, что им, уроженцам большого города, совершенно чуждо деревенское любопытство. Но при каждом шо-

рохе они оба появлялись на садовом крыльце. Жена спускалась к грядкам – там всегда находилось что-то важное, а её муж садился на верхнюю ступеньку и курил. Он прикуривал одну сигарету за другой и сам не заметил, как превратился в заядлого курильщика.

– В этот час в саду ещё никого нет, – легкомысленно отмахнулся Генрих.

Матильда перестала нарезать хлеб, вышла из кухни и остановилась на пороге столовой.

– И что ты снуёшь, как фальшивые деньги? – несмотря на шутливый тон, в её голосе слышалась тревога.

– Да, какие там деньги. Так, медяки, – пробормотал он, сжал кулаки, засунул их в карманы брюк и прислонился спиной к буфету.

– Да, что стряслось-то?

– Что стряслось? Вон, смотри сама, – он кивнул на газету.

Матильда оторвалась от косяка, шагнула к столу, бросила взгляд на серый листок. Всё, как всегда, ничего нового. Бравурные фотографии и кричащие заголовки теснили друг друга, как кусты чертополоха на пустыре. Она удивлённо посмотрела на мужа.

– Не видишь, не?

Генрих оттолкнулся от края буфета и резко перевернул газету в её сторону. Передовица гласила: «Вступление в Париж».

– Н-да, – Матильда скривилась и покачала головой.

Генрих побарабанил пальцами по льняной скатерти, схватил газету и прочитал первую строку: «После полного провала французской армии Париж в немецких руках».

Буква «р» раскатывалась по комнате, как римская колесница, слова кромсали теплый летний воздух. Генрих отвернулся к окну, некоторое время смотрел на вишнёвое дерево в углу сада. Ещё совсем недавно оно стояло в белой кипении, а сейчас.... Вот уже который день вокруг него шла ожесточённая борьба. Дрозды расселись на мозолистых ветвях и бдительно охраняли поспевающие ягоды от нахальных воробьёв, которые так и норовили ухватить на лету что-нибудь сладенькое.

Наблюдая за их потасовками, Генрих заговорил тихо, уже без возмущения:

– Эти флаги и кресты.... Эти дурацкие салюты.... Все будто рехнулись! Мне кажется, многие даже не понимают, что происходит. Главное – поддай шлюхе пороху. А мы для них?– он поднял глаза, уставился на лампу, раскинувшую деревянные лапы над серединой обеденного стола, и с горечью продолжил, – Кто мы для них? Пешки! Партия, фюрер, все они только клянутся, что стараются для народа, для страны. Пустобрёхи.

– Ну, и зачем ты её выписал? Сам ведь знаешь – в ней одна пропаганда.

– И, правда, зачем?

Он скомкал газетный лист и с ненавистью отбросил в сто-

рону окна. Тот прошуршал по цветастым обоям, упал за деревянный сервировочный столик и притаился, как крыса в полутёмном углу.

Генрих покосился на него, ухмыльнулся и со всего маху плюхнулся на стул.

– Знаешь, Тильда, раньше захватчики просто грабили безо всяких там красивых слов. А нынче? „Преследование врага до полного уничтожения“, – процитировал он. Опершись локтями о столешницу, Генрих обхватил голову руками. – Какого врага? Какого? Ну, прямо герои, освободители. Нет, только без меня, не хочу я пачкаться в этой грязи.

– Ты спятил, Генри? А если призовут? Что тогда? Ты ведь знаешь, что они делают с дезертирами.

Отступив назад, Матильда застыла в дверном проёме, как мать-защитница – с длинным зазубренным ножом поперёк груди. Только выглядела она при этом совсем не грозно: рука дрожала, подбородок обмяк, а в серых, обычно лукавых глазах плескался страх.

Генрих давно взял себе за правило не перечить жене без серьёзной причины. Эта тактика помогала сохранить мир и согласие в семье. Но сейчас всё было по-другому. Разговор шёл не о том, в каком ряду посадить морковку и даже не о том, где провести отпуск. В этот раз ему предстояло принять важное, самостоятельное решение, от которого зависело будущее всей семьи.

– Да, нет же, нет! Я не собираюсь удирать и прятаться! –

он поднял лицо и заговорил горячим шёпотом, – Я придумал кое-что другое.

– И что же? – недоверчиво спросила жена.

– Прикинусь негодным к воинской службе, – выпалил он, снова вскочил на ноги, подпружинил на цыпочках и сделал хук невидимому противнику.

– Ты сам-то себе веришь?

Она смерила его невысокую, ладную фигуру скептическим взглядом.

Небольшая, чуть лысеющая голова гордо сидела на жилистой шее. Мышцы плеч и предплечий сплелись в тугие косы и отливали бронзовым загаром. Серая майка обтянула мускулистую грудь, летние полотняные брюки, схваченные на тонком торсе широким ремнём, свободно облегали узкие бёдра.

Генрих начал заниматься боксом в ранней юности. В зимнюю пору тренировки проходили в боксёрском клубе, летом – на дамбе у городского пруда, где проводились также соревнования и показательные бои. После переезда в собственный дом он первым делом оборудовал в подвале спортивный уголок и проводил в нём почти всё свободное время.

Сначала он разогревался на скакалке, и воздух свистел от бешеного темпа. Потом так усердно колотил боксёрскую грушу, что крюк стонал, а пол в столовой, располагавшейся над спортзалом, ходил ходуном. Гордость Матильды – фарфоровый сервиз – звенел на все голоса и норовил выскочить из бу-

фета. Настольная лампа игриво помахивала цветастым абажуром и притопывала латунной ножкой по комоду из светлого бука.

– Уж половину шахтёров отправили на фронт. Ну, хорошо, отгрести уголь могут и пленные. А вот если, к примеру, меня призовут, кто будет ремонтировать вагонетки? А локомотивы? Кто?

Генрих прервал свою торопливую, сбивчивую речь и прислушался. Деревянные ступени поскрипывали под лёгкими детскими шагами.

В то время как большинство шахтёрских семей проживало в небольших квартирах, а то и просто в комнатах, Шмитцы занимали целую половину двухэтажного дома. И не то, чтобы они пользовались какими-то привилегиями, им просто повезло. Поначалу здесь жила бабушка, потом – дядька Матильды по материнской линии. Как и все предки, он на-

чал трудовой путь учеником, поработал ремонтником и забойщиком, а когда его назначили бригадиром – переехал в более просторный дом. Тогда же он замолвил слово за семью племянницы и – с одобрения шахтного начальства – оставил ей свою жилую площадь.

– Доброе утро, – весело приветствовала родителей Дорис.

Ей было уже почти четыре года, и она считала себя совсем большой, поэтому сначала помогла взобраться на стул младшему брату и только после этого сама заняла место у стола.

– Доброе утро, мои дорогие, – улыбнулся Генрих.

Тем временем Матильда накрыла субботний завтрак. Вместо будничного смальца на столе красовались две стеклянные банки: с ливерным паштетом и сиропом из сахарной свёклы.

– Ну, принимайтесь за еду, – произнесла она дежурную фразу.

– Съедайте всё до последней крошки. Чистая тарелка – к хорошей погоде, – подхватил Генрих.

Он подмигнул сначала дочери, потом сыну и начал готовить бутерброд. Он проделывал всё неторопливо, со вкусом: водрузил на тарелку кусок серого хлеба, намазал его толстым слоем печёночного паштета и сверху полил свекольным сиропом.

Это необычная еда – смесь солёного и сладкого – являлась одной из многочисленных шахтёрских традиций. Она, как молоток и зубило, передавались из поколения в поколение,

от деда – к отцу, от отца – к сыну.

Генрих разрезал бутерброд пополам и со словами:

– Приятного аппетита! – раздал детям. Не успели они приступить к еде, как снаружи что-то клацнуло.

– Почтовый ящик? – удивилась Матильда.

– Сегодняшнюю брехушку я уже вынул и даже просмотрел, – Генрих неприязненно покосился на бумажный комок в углу, – письма приносят после десяти. Странно, что бы это могло быть?

Он взглянул на старинные часы, которые висели над комодом справа от кухонной двери. Тонкие стрелки подбирались к половине девятого – вот-вот выскочит и заорёт на весь дом горластая кукушка.

У этих часов была своя интересная история. Их подарила на день свадьбы Изольда – школьная подруга Матильды. К её мужу, зажиточному крестьянину, они попали после первой мировой войны. В ту пору в стране царил голод. Многие горожане ездили по деревням, где обменивали драгоценности и предметы роскоши на еду. Купля-продажа проходила прямо на железнодорожных станциях во время остановки пригородных поездов. Дитер „заплатил“ за часы два фунта картофеля и буханку хлеба, а потом ещё долго недоумевал, как этот хилый аристократ умудрился втащить в вагон такой громоздкий предмет. Тот, в свою очередь, унаследовал часы от отца, который привёз их с франко-прусской войны. После первой мировой Эльзас и Лотарингия вернулись во Фран-

цию, а совсем недавно были снова оккупированы немецкими войсками, и Генрих нередко задавался вопросом: «Для чего погибли все эти солдаты? Чтобы глупая птица куковала в их доме?»

– Дорис, пойдй, посмотри, что там, – обратился Генрих к дочери.

Дорис резво прыгнула со стула, обежала обеденный стол, протопала по короткому коридору, открыла входную дверь и вытащила из ящика, висящего на стене, письмо.

Едва взглянув на серый конверт, Генрих понял, что это повестка.

Вместо почтовой марки – черный штамп. Вцепившись когтями в кольцо со свастикой, широко раскинув крылья, орел демонстрировал хищный государственный клюв. Он сверлил Генриха острым глазом, как будто предугадывал все его тайные намерения.

– Вот и закончился мой отпуск, вот и закончилось всё, – проговорил Генрих упавшим голосом.

– Папа, так мы поедем на пруд? – всё ещё с надеждой спросила дочь.

– Что-то настроение пропало. Прости, Дорис.

Несмотря на прекрасную погоду, они отменили поездку на городской пляж. На Генриха накатила непонятная, совершенно неприсущая ему апатия. Он не балагурил, как обычно, не баловался с детьми и даже не боксировал. Сразу после завтрака он ушёл в гостиную и завалился на диван, где

и провёл весь день.

Сквозь прикрытые веки он рассматривал поделки Матильды, украсившие небольшую комнату. Букет из васильков на низком шестигранном столе, подсолнухи, сияющие в треугольнике кружевных занавесок и берестяную сову, взиравшую с комода на семейные фотографии в противоположном углу.

Летние мотивы сменялись осенними, Рождественские украшения уступали место Пасхальным, и лишь старая шахтерская лампа – „лягушка“ – никогда не покидала своего места над камином. Плоская овальная ванночка с ручкой, напоминавшей голову, на одном конце и льняным хвостом на другом, была, и впрямь, похожа на лягушку. В плошку заливали масло, поджигали фитиль, пламя регулировали с помощью винта на зажиме. На цепи, прикрепленной к ручке, лампу можно было повесить в любом удобном месте забоя. Поскольку открытое пламя представляло опасность, особенно когда в шахте скапливались газы, лампу уже давно не использовали по назначению. Отливая латунным боком, она мирно грелась на крюке, торчащем из молотка и зубила. Миниатюрные чугунные инструменты слились друг с другом, скрестились навеки, символизируя тем самым шахтёрскую солидарность, взаимовыручку и братство.

В отличие от мужа, Матильда не могла сидеть без дела. Она перемыла посуду, надраила до блеска кухонную плиту и принялась стирать шахтёрскую робу. Она загадала про се-

бья: если отмоется вся чернота, все масляные пятна, то мужа не заберут на войну. Она не жалела ни воды, ни рук, ожесточённо тёрла грубое полотно, без устали возила по стиральной доске и успокоилась лишь после того, как содрала всю кожу на костяшках пальцев. Затем развесила белый, без единого пятнышка, костюм на поручне у плиты: здесь было самое жаркое место, здесь роба просыхала даже быстрее, чем на солнце.

Беспокойство родителей перекинулось на детей. Они не шумели, как обычно, а вышли во двор и до позднего вечера играли в песке за сараем.

За мрачным днём последовала мучительная ночь. Генрих пытался заснуть, и не мог. Как только он закрывал глаза, перед ним появлялся зловещий символ третьего рейха. Орел оживал, перебирая когтями по черному колесу, катился по странам и континентам. Разрывая на куски все живое, свастика оставляла за собой глубокий кровавый след. Вдруг хищная птица замедлила ход, остановилась, покачалась из стороны в сторону и повернула клюв с востока на запад. Набирая ход, смертоносная косилка уже мчалась в сторону Германии и достигла их родного города. Она хрустела по черепичным крышам, топтала башенки, арки и крылечки, ломала акации, липы и клены.

Генрих испуганно открыл глаза и вскочил с кровати. По сдержанному дыханию Матильды он понял, что она тоже не спит, но не включил свет. Подойдя к зеркалу, он пристально

вгляделся в тень за стеклом и решительно произнес: «Нет, только без меня!»

Лунный свет прокрался сквозь занавески и осветил бледное отражение за его спиной. Длинные локоны, большие глаза и полуоткрытый рот исчезли в темноте. Мягкие черты лица приобрели необычайно резкие контуры и напоминали древнюю трагическую маску. Матильда сидела молча, не шевелясь, и, наконец, до Генриха дошло: «Да ведь она тоже боится. Боится не за себя, за меня. А я весь день, как дурак, провалился на диване, вместо того чтобы поддержать ее».

Ему стало стыдно, захотелось отвлечь ее от грустных мыслей.

— Не волнуйся, Тильда. Всё уладится.

Он поднял брови домиком, так, что морщина на его лбу изогнулась причудливой дугой, сжал губы в трубочку и сказал умоляющим голосом:

— Не забирайте меня на войну, а то я сдуру, не только врагов, но и всех своих перестреляю. Как думаешь, поверят?

Это выглядело смешно, глупо и совсем неубедительно.

— Не знаю, Генри. Думаю тебе нужно немного поупражняться, — ответила Матильда без малейшей насмешки в голосе.

Она умела подшутить над собеседником, сохраняя серьезное выражение лица. Это была одна из особенностей ее противоречивого характера. Доброжелательная и мягкая по натуре, она сохраняла строгость в воспитании детей. Она

умела незаметно, не задевая самолюбия, подсказывать мужу правильное решение или удерживать его от легкомысленных поступков.

Вся ее внешность тоже была неоднозначной. Высоко зачёсанные волнистые волосы открывали чистый, мирный лоб, который совершенно неожиданно переходил в тонкий, прямой, воинственно заострённый нос. В то время как правый глаз приветливо смотрел на собеседника, левый, косящий внимательно изучал собственную переносицу. Красиво изогнутые нежные губы подпирал волевой подбородок. Приземистая, широкобедрая, она двигалась легко и непринужденно, как воздушный шарик.

Эта шутка немного успокоила Генриха, и он непринужденно продолжил:

— Ты права. Я хорошенько все обдумую, — и спустя мгновение подмигнул. — А что самое главное в армии?

— И что же? — в её глазах мелькнула улыбка.

— Правильная стратегия и тактика!

Он отошел от зеркала и сел рядом с женой на край кровати. Она ласково обняла мужа. — Ну да, знаешь... главное, не особо умничай, может, тогда тебе и поверят.

— Ты права, Тильда! Слушай, я поступлю очень просто. Буду стрелять мимо мишени. Прикинусь криворуким. Как ты считаешь?

Одурев от ее близости, Генрих уже совсем не понимал, что несет.

— Жаль, что я не могу поделиться с тобой моим косоглазием, — нежно пробормотала Матильда.

Они окунулись друг в друга, и даже луна перестала заглядывать сквозь кружевные занавески, тихо скрывшись за крышей соседнего дома.

Пеший адмирал

Дмитрий целых два года не был дома и очень соскучился по Северу, а ещё больше – по матери. Он уже сдал выпускные экзамены, осталось только получить свидетельство об окончании бухгалтерских курсов, как пришла повестка в армию. Прямо из Ростова его вместе с другими новобранцами отправили в распоряжение Уральского военного округа. Поезд ехал несколько суток, пересек страну с юго-запада на северо-восток и, тем не менее, до родной деревни оставалась ещё добрая тысяча километров.

«Что ж, мне не привыкать. Буду, как и прежде, каждый день посылать матушке письма. Так и службу скоротаю. Да и что такое три года против длинной-длинной жизни? Сущий пустяк», думал Дмитрий, прислонившись к нарам.

– О чём кумекаешь, братец? – вырвал его из размышлений хриловатый тенорок. – Верх или низ? Выбирай.

Дима вскинул глаза и опешил: «Из такого вместительного тела – такой несолидный голос...»

Каптёрщику пришлось крепко попотеть в поисках формы для нешаблонного новобранца. В конце концов, он выдал ему самый большой из самых коротких комплектов. Несмотря на это, галифе трещали по швам на упругой заднице, но собрались гармошкой на ногах, гимнастёрка доставала почти до колен, но жала подмышками, пуговицы выскакивали из

петлиц, а брезентовый ремень застегнулся лишь на последнюю дырку, да и то внатяг.

– Ну, ты чё, братец, язык проглотил? Где дрыхнуть будешь, вверху или внизу?

Не дожидаясь ответа, он протянул широкую, как снеговая лопата, ладонь:

– Меня Колькой зовут, а тебя?

Тыльная сторона руки была усыпана жёлтой рябью. Веснушки теснились на запястье и скрывались в обшлагах. Выпрыгнув из-под ворота гимнастёрки, они разбегались дальше по шее, ушам, усыпали круглый, как картофелина, нос и забрались под корни светло-рыжих, коротко стриженных волос. Даже в серых глазах светились золотистые крапины.

Дима опомнился, ответил крепким рукопожатием.

– Дмитрий Ушаков.

– Ушако-о-ов? Адмиральский сын что ли?

Смерив Дмитрия насмешливым взглядом, Николай широко ухмыльнулся и снисходительно похлопал по спине.

– Да, шучу я, шучу. Ты с каких краёв-то будешь?

– С Верхней Пёши.

– Мореходец – и пёший? И где ж твоя флотилия? – Николай добродушно рассмеялся. – Ладно, ладно, чё напрягся, как в сортире? Вольно, братец, здесь все свои. Да, не обижайся ты!

Дима подумал, что его новый товарищ – очень ранимый человек, уж очень быстро он заподозрил его в обидчивости.

Как любила говаривать матушка: «Рыбак рыбака видит издалека». Под этими словами она подразумевала любых единомышленников: обманщик видит в каждом лжеца, боязливому кажется, что вокруг него одни трусы, в глазах глупца весь мир состоит из ещё больших дураков. И лишь добрый человек не замечает в других никаких недостатков.

– Да, не обиделся я, с чего ты взял? А что касается адмирала, так я всего лишь его однофамилец.

Николай бросил на него недоверчивый взгляд:

– И где она, это твоя Пёша?

– У самого Полярного Круга.

– Это там, где белые медведи сосульки грызут и вечная зима? Да, братец, там у вас не забалуешь. То-то, я смотрю, ты такой строгий. Как тебя к нам-то занесло?

– К кому это – к вам?

– К южанам. А ты, что, не знал? Вот я, к примеру, из Кабарды. Есть ребята из Ростова, со Ставрополя, но уж никак не с Северного Полюса.

– Так и меня в Ростове призвали.

– В Ростове? И чё ты там потерял?

– Я там на бухгалтера учился.

– Ты? На бухгалтера? – Николай закинул большую, как спелая тыква, голову на затылок прикрыл левый глаз. – Нет, братец, не похож.

– Это почему же?

– Бухгалтер – он сухонький, сутулый, в очках и чёрных

нарукавниках.

Николай сгорбил могучую спину, близоруко сощурился, поддёрнул рукава и пощёлкал на невидимых счётах. Получился хоть и не совсем „сухонький“, но вполне правдоподобный образ.

– И то верно. Только уж, прости, зрение у меня хорошее, так что в очках не нуждаюсь. А нарукавников в армии не выдают. Впрочем, я книжки люблю, такое объяснение устроит? – улыбнулся Дима.

– Ну, так бы сразу и сказал!

В казарме зажёгся свет. Лампочка без абажура, свисавшая с потолка на жёлтом кручёном проводе, тускло мерцала в центре большой комнаты.

Николай снял пилотку, сунул её в карман, заложил правую руку между средними петлицами гимнастёрки и сталинской поступью приблизился к окну. Поплевав в ладони, пригладил волосы ото лба к затылку. Едва отросшая после стрижки „под ноль“ щетина хоть и встала дыбом, но приняла нужное направление. Смотрясь в тёмный квадрат, он контролировал отражение анфас и в профиль. После этого повернулся к импровизированному зеркалу спиной и попытался рассмотреть себя сзади.

Он двигался с грацией молодого тюленя, и Дима, как ни крепился, не выдержал:

– Что ты вертишься, как пёс за блохой?

– Че-е-во?

Николай замер в положении штопора, изучая Димину тень за окном, потом нахмурился, пробормотал «дурацкое сравнение» и вернулся к нарам.

Усевшись на нижнюю полку, он широко расставил ноги, уперся ладонями в колени и растопырил локти. Дима стоял перед ним, как провинившийся холоп перед суровым баринном.

Сам он тоже давно оделся, но не затянул ремень, а держал его в руках, поглаживая кожаные вставки на толстой брезентовой тесьме.

– И чё ты его щупаешь? Это тебе не девка, – критически буркнул Николай.

– А ты потрогай, потрогай сам, – предложил Дмитрий и протянул ему ремень.

– Ну, и что? Ну, потрогал, и что?

– Как что? Неужели не чувствуешь?

– Ремень, как ремень, – Николай приложил пряжку с тиснёной звездой к металлическому наконечнику и пощёлкал половинками друг о друга. – Упругий.

– Да, ты понюхай, один запах чего стоит, – настаивал Дима.

– Может, ещё полизать?

Николаю так понравилась собственная шутка, что он снова просветлел и принялся ребячиться. Высунув толстый язык, он уже собрался прикоснуться к кожаной вставке, но Дима резко оборвал его клоунаду:

– Слушай, хватит валять дурака, говорю же: понюхай!

– Ну, понюхал, и что? – хмыкнул непризнанный талант.

– И что? – переспросил Дима, отбирая у него ремень. –

Ничего-то ты не понимаешь, „братец“! Он же пахнет, как лошадиные подпруги и гладкий, как спина жеребёнка.

Диме вспомнился деревенский конный двор, на котором он проводил каждую свободную минуту. Он любил лошадей, знал их повадки и умел укротить самого строптивого скакуна. Для этого ему не нужны были ни кнут, ни шпоры. Подойдя к беспокойному коню, он уговаривал его, шептал на ухо заветные, только им двоим понятные слова. Потом осторожно, чтобы не спугнуть, взбирался на подрагивающую спину и давал коню волю.

Он скакал по заливным лугам у излучины реки, и даже не подозревал, что за ним уже давно наблюдают десятки девичьих глаз. Невысокий, ладно скроенный, он привлекал внимание деревенских красавиц – каждой хотелось заполучить такого хорошего жениха. Его любили не только за удаль, но и за отзывчивость, и за доброту. Девушки спорили друг с другом, устраивали гаданья.

– И кому же достанется этот белокурый мальчик? – накручивала на палец белую нитку и шёпотом перебирала буквы алфавита одна. – Смотрите, подружки, мне выпала буква „Д“!

– Уж не Дима ли? Видела я, как ты нитку натягивала. Вон, весь мизинец посинел, – смеялась другая. – И не надейся! Я такие привороты знаю, ни один парень не устоит.

– Только на меня будут смотреть эти дымчатые, как спелая голубика, глаза. Только я буду целовать эти яркие, брусничные, губы, – романтично напевала третья и со словом „любит“ отрывала с ромашки последний лепесток.

– Ты что, братец, оглох? – прервал приятные воспоминания Николай. – Садись, говорю. В ногах правды нет.

– И то верно.

– Чё такой задумчивый? – спросил Николай и так ткнул локтем под ребро, что Дима завалился на бок.

– Ну, чёрт, у тебя и силища! Ты хоть немного соизмеряй.

Николай снисходительно хмыкнул и попеременно напряг бицепсы:

– Слева – больница, справа – кладбище! Пощупай.

– И так верю! Ты туда что – булыжников напихал?

– Точно – каменюк! Я хоть ростом невелик, но тоже не пальцем делан, – усмехнулся Николай. – Ну, так чё, братец, на первой полке или на второй? Выбирай, пока я добрый!

– Ну, пока ты добрый, размещусь-ка я на второй, как дома, – не задумываясь, ответил Дима. – У нас дом мезенский, двухэтажный.

На самом деле ему было совершенно безразлично, где спать, но он опасался, как бы нары не проломились под увесистым соседом.

– Двухэтажный, говоришь? Ну, вы и куркули, – ухмыльнулся Николай.

– При чём здесь куркули? Это Север, Коля. У нас по-другому нельзя.

– А-а-га, – недоверчиво протянул Николай.

Некоторое время он испытующе смотрел на Диму, потом смилостивился:

– Ладно, давай уж, рассказывай дальше.

– Хорошо, только больше не обзывайся. Значит, внизу у нас сеновал, там раньше стояли коровы и лошадь. Потом их

всех в колхоз отвели. Я лошадку мою гнедую каждый день навещал, приносил ей морковку, ну, похрумкать. Да, она меня и без угощения не забывала.

– Значит, внизу у вас были и хлев, и конюшня.

– Верно. И хлев, и конюшня, и сарай, и сеновал.

– Солидно. Ну, а теперь там чё?

– Козы и бараны.

– Так я, значит, по-твоему, баран? – хмыкнул Коля.

– Где ты видел рыжих баранов? – рассмеялся Дима.

– Ладно, а чё у вас на втором этаже? – замаял тему Николай.

– На второй этаж ведёт деревянная лестница. Наверху – большая площадка – на ней вся семья уместится.

– Вот скажи ты мне, братец Дима: чё ты так сложно все объясняешь? Сказал бы просто – крыльцо.

– Да, нет, не крыльцо, говорю же тебе – длинная лестница под крышей. Взвоз называется.

– Тоже мне, удивил. Наше крыльцо тоже под крышей.

– Крыша-крыше рознь, настаивал Дима. – Навес над крыльцом висит прямо, а у нас он идёт по-над лестницей, по косой. Представил?

– Хм.... И для чего такие выкрутасы?

– Это не выкрутасы, а необходимость. Знаешь, какие у нас снега? Заносит по самую бороду.

– Не, правда? По колено – видал, но чтоб по самую бороду! Вот это зима, и я понимаю.

– Эх, Коля. Если бы за зиму. За день! А на следующий день опять то же самое. И темнота, круглые сутки сплошная темень. Солнце в полдень чуть мигнет над горизонтом – и снова полярная ночь. Ну, да ладно, я не о том. Представь себе: хочешь ты выйти на улицу, а дверь не открыть, всё зава-лило. Вот ты, наконец, разгребёшься, а у тебя вместо лест-ницы снежная горка.

– Ну, и чё? Взял, да и скатился.

– Какой ты прыткий. Это пока молодой „взял да и ска-тился“, а когда состаришься – все кости себе переломаешь. Лестница-то в двенадцать ступеней.

– Ого, высоко. Ну, давай, не тяни! Что там у тебя под кры-шей-то?

– Под крышей? Как зайдёшь – первым делом попадаешь на поветь. Там на балках всякие травы развешены. Запах стоит....

Дима глубоко вдохнул, но вместо знакомого аромата в нос ударил крепкий портяночный дух.

– Посредине стоит большой стол. На нём целый день ки-пит самовар. Придёт больной односельчанин – матушка сра-зу заварит нужное снадобье. Наши, деревенские со всеми хворями не к докторам, в первую очередь к ней обращаются.

– Так она у тебя чё – знахарка что ли?

– Я бы сказал – целительница.

– Значит, поветь – это что-то вроде сеней?

– Верно, что-то вроде того. За поветью – кухня. Там печка

и всегда тепло, – просто закончил Дима.

– Да, братец ты мой, богато живёте, – снова поддел Николай.

– Эх ты, Коля, южная твоя душа. Ничего-то ты не понимаешь в нашем Севере. Дом наш ещё мой прадед рубил. Из столетней сосны. Одним топором, без единого гвоздя. И стоит он на высоком лиственничном венце, чтобы подальше от холодной земли, да от сырости. Понял?

– Чё ж тут непонятного? Ну, а у нас всё наоборот. Зима – тёплая, снег только выпадет и почти сразу тает. Летом жарынь – не продохнуть, хоть из собственной шкуры вылезай! Вот и жмёмся к земле. Дома низкие, стены толстые, саманные, ну, из глины с соломой. Так что и у нас без единого гвоздя! А на чердаке – пекло, как в преисподней. Там мать пастилу раскатывает, на просушку. Ты пастилу когда-нибудь ел? Из айвы, а еще лучше – из алычи. Ох, и вкусно, братец ты мой.

Он не успел закончить свою историю – дежурный горнист протрубил отбой.

Пот экономит кровь

Генрих подошёл к окну и задумался. У него до сих пор не было чёткого плана действий. Он сомневался и в своих артистических способностях. Да, не так-то просто будет „откосить“ от воинской обязанности. Неуверенность сменилась страхом: его наверняка очень быстро разоблачат.

Он всматривался в небо, как будто ждал от него помощи. Тучи сдвинули мохнатые брови, задумались, но вместо ответа разразились проливным дождём. Вода пропитала щели между камнями, расплзлась по выемкам и вскоре полностью затопила мощёный плац. В лужах вскипали бесчисленные пузыри. Они лопались и разлетались на тысячи мелких брызг, которые тут же растворялись во всеобщей сырости. Глядя на них, Генрих представил себя такой же незначущей каплей, направляемой чьей-то властной рукой на войну, на гибель.

Рассеянно застёгивая пуговицы гимнастёрки, он прошептал в серое окно: «Сторожат нас, как цепные псы, даже мышь не проскочит мимо». Он имел в виду офицеров, которые занимали квартиры внизу казармы. Солдатские помещения находились на двух последующих этажах по обе стороны длинного коридора.

Между тем, его молодые товарищи с рекордной скоростью оделись в новенькую униформу, гордо затянули ремни

и гладко, без единой морщинки, заправили кровати казёнными одеялами.

– Ты что, оглох? – тронул его за плечо сосед по нарам.

Генрих невольно вздрогнул. Протяжная, третья по счёту трель разнеслась по этажу, долетела до конца коридора, пометалась между кафельными стенами туалетной комнаты и затихла.

Унтер носил свисток, как положено – на аксельбанте. Этот примитивный армейский инструмент был призван отдавать важнейшие воинские приказы. Он проделывал это согласно строгой инструкции: один длинный сигнал – атака, два длинных – отступление, длинный-короткий-длинный – собраться возле командира. Каждый солдат должен был знать все хитроумные комбинации и беспрекословно исполнять соответствующие команды.

Свисток, как верный пёс, повсюду сопровождал своего хозяина и выполнял даже распоряжения, не предусмотренные регламентом: нежным тьяканьем приглашал солдат в столовую, рычал на нарушителей порядка и лаял побудку. За последним свистом следовал оглушительный рёв: «Первый взвод, подъём!» Поток воздуха из унтерской глотки проносился ураганом по всей казарме. Он вышибал деревянные двери, от него дребезжали металлические шкафы. Новобранцы прыгивали с двухэтажных нар, натягивали штаны и мчались наперегонки к умывальникам.

Три протяжных свиста означали общий сбор. И как же он

мог пропустить такой призыв? Генрих оглянулся. Его товарищи спешно покидали спальное помещение. Один из них презрительно бросил на бегу:

– Тебя до сих пор мамочка одевает?

Генрих удивлённо смотрел ему вслед: «Что он имел в виду?»

– Гимнастёрку перестегни, – предупредил сосед-доброхот и тоже скрылся за дверью.

Пуговицы не попадали в петлицы, пальцы тряслись от радости: «Вот оно..., вот оно. Буду всё делать невпопад. Только бы не переборщить».

Генрих выскочил из казармы, пересёк мокрый плац и втиснулся в строй. Унтер-офицер Штельцман, вот уже несколько секунд постукивающий по брусчатке правой ногой, раздул ноздри, его сапог замер на кончике каблука.

– Конюшню закрой, ты не в борделе, – прошипел он.

Мясистый лоб прорезала глубокая поперечная морщина, упитанные щеки покрылись красными пятнами, толстые губы, напротив, побелели. Унтер выпучил на Генриха налитые кровью глаза, потом медленно опустил их и уставился куда-то ниже пояса.

Генрих проследил за его взглядом и спохватился:

– Яволь!

Он низко наклонил голову, чтобы скрыть ликование, проступившее на лице, и торопливо застегнул ширинку.

– У него не все дома, – ехидно шепнул в затылок один из

товарищей.

– Задать бы ему перца, – дополнил другой.

Унтер зыркнул, и все затихли.

Командир батальона важно прошагал на середину плаца, приветственно вскинул руку и воззвал:

– Хайль, солдаты!

Новобранцы щелкнули каблуками и проорали с единым ответным салютом:

– Хайль Гитлер!

Их лица выражали преданность, готовность беззаветно служить отчизне и, если понадобится – отдать за нее собственную жизнь.

– Новобранцы! Вы прибыли на военный полигон, чтобы овладеть воинским искусством и стать настоящими солдатами!

Что-что, а говорить он умел, слова звучали убедительно и даже проникновенно:

– Только истинный мужчина может стать хорошим воином. Вот почему такие добродетели, как дисциплина, порядок и товарищество, играют важную роль в военной службе. Здесь вы постигнете основы армейской выучки. Вы узнаете, как обращаться с оружием и снаряжением. Каждый из вас должен усердно упражняться, чтобы верно служить своему народу!

Как это почти всегда случается в жизни, пафос сменился прозой, за пламенной речью последовала жёсткая муштра.

– Ра-а-вняйсь, сми-и-рно! – скомандовал унтер-офицер, – Нале-е-во.

Отделение проследовало за командиром на первое занятие по строевой подготовке.

– Направо, налево, кругом.

Унтер ускорял темп. Закусив губу, молодые рекруты вращались во все стороны. Генрих путался всё больше и больше, пока не достиг своей цели – вновь привлёк к себе пристальное внимание командира.

– Чёрт подери, держи осанку! – рычал Штельцман и уже безо всякого стеснения дубасил Генриха по сгорбленной от чрезмерных стараний спине.

По команде: «в две шеренги становись», они перестроились, повернулись налево и начали отрабатывать маршевый шаг. Генрих решил больше не перегибать палку. Он лишь время от времени сбивался с ритма и тут же, с лёгким подскоком встраивался в размеренный топот своих товарищей.

Штельцман гонял отделение по плацу, пока не добился движения «в ногу», потом вывел их на широкую лесную тропу и приказал бежать трусцой. Еще влажный от июльского дождя, лес дышал свежей листвой, излучал жизненную силу. Но новобранцы недолго наслаждались этими ароматами.

– Газы! – ни с того, ни с сего заорал командир.

Похоже, он сам наглотался газов в окопах первой мировой, а потому уделял этой части учений повышенное внимание. Старый вояка трусил рядом со своими подчинёнными,

подбадривал их на ходу:

– Эй вы, шаркуны, шевелите ягодицами. Давай, давай, давай.

– Ай, ай, ай, – вторили ему гладкие, как пушечные стволы, буки.

Даже у самых крепких парней перехватило дыхание. Даже они начали спотыкаться об узловатые корни. Генрих снова воспользовался моментом. Он поскользнулся и упал на землю, изваявшись в грязи по самые уши.

По возвращении в лагерь унтер разрешил всем отправиться на завтрак, сопроводив свой приказ тихой трелью. Генрих устало плёлся в самом хвосте колонны. Поравнявшись с командиром, он хотел свернуть вслед за другими к пищевому блоку, но Штельцман преградил ему путь.

– А ты говнюк, куда собрался? – осведомился он.

– ...на завтрак, – пробормотал Генрих, опуская глаза.

– В мортирку, значит?

Между седыми кустистыми бровями залегла глубокая, как горное ущелье, складка.

– Вижу, до тебя ещё не дошло. Как нужно отвечать командиру?

Унтер не орал, напротив, говорил таким доверительным голосом, от которого у Генриха почему-то скрутило живот.

– Придётся заняться тобой. Прямо сейчас.

– А как же завтрак? – машинально спросил Генрих.

– Завтрак? Завтрак отложим на завтра, – отрезал Штельц-

ман, потом подмигнул. – Или на послезавтра.

Он принял вызов, он решил выстругать из Генриха „настоящего солдата“. Генрих, в свою очередь, приготовился к длительной голодовке.

– Смирно, лечь, встать!

– Так точно, есть, яволь!

Вконец запутав свою жертву, унтер опять безо всякого перехода заорал: «Газы!»

Трясущимися пальцами Генрих пытался вытащить противогаз из ребристого цилиндрического футляра, но „свиное рыло“, как метко прозвали его солдаты, не поддавалось.

– С такой скоростью только бабушки на кладбище собираются. Ты уже труп, – злорадно рычал его палач. – Что тарщишься, как член из ширинки? Давай, по-новой.

Резина прилипала к мокрому лбу, пальцы соскальзывали с гладкой поверхности. Генриху удалось выполнить задание лишь с третьей попытки. После того, как маска герметично охватила голову, командир отечески похлопал его по плечу:

– Пот экономит кровь, – и озвучил новый приказ, – Бегом марш! И с песней.

– С какой? – глаза Генриха приняли форму окуляров.

– Да, хоть бы „Die Fahne Hoch“ (Поднимем флаг).

– Die Fahne hoch... Die Reihen dicht geschlossen.... SA marschiert mit ruhig festem Schritt.... (Поднимем флаг.... Со-мкнём ряды плотнее.... Идём на штурм и держим твердый шаг...), – затянул Генрих.

Он старался, как на боксёрской тренировке соразмерить шаг с музыкальным ритмом и следил за дыханием.

Матёрый вояка внимательно наблюдал за ним. Его подозрения подтверждались всё больше и больше: новобранец пытался всех надуть и лишь прикидывался слабаком. Он решил испытать притворщика на полную выкладку.

– Чё ты там лепечешь? Не слышу, громче, ещё громче! И хватит топтаться на месте!

Генрих задыхался, он прочувствовал сполна всю тяжесть газовой атаки. После слов «Наступил день свободы и хлеба», он со всего маху рухнул на брусчатку. Унтер подскочил к нему и надавил сапогом на фильтр так, что Генрих чуть не потерял сознание.

– Флаг повис! Флаг повис! Флаг повис! – победоносно повторял Штельцман заключительные слова солдатской песни.

Я просто стрелял мимо мишени

Радость возвращения горячей волной прокатилась от пяток до макушки и стремительно упала вниз, пригвоздив Генриха к перекрёстку. Казалось бы, вот она, знакомая улица, надо лишь свернуть налево, а он стоял, как вкопанный, глядя в безупречную перспективу кленовой аллеи. Он до сих пор не мог поверить в своё счастье: его не разоблачили, не поставили к стенке, а просто отпустили домой.

Это произошло после масштабных комплексных учений, входивших в курс молодого бойца.

Их подняли рано утром по тревоге. Штельцман сначала раздал „барахло“: шлем, крепёж для переноски снаряжения, складную лопатку, подсумки и рюкзаки под названием „большая задница“, а затем – винтовки.

– Разбирайте трахалки, – приговаривал он и радостно, будто хотел поздравить с исполнением заветной мечты, подмигнул Генриху, – Сегодня всё будет по-настоящему – и патроны тоже.

Первым препятствием на их пути была небольшая река.

– Мост заминирован, – следуя правилам игры, предупредил унтер. – На переправу.

Генрих перебирал руками по туго натянутой проволоке, стремясь догнать своих ретивых товарищей. Он уже почти добрался до противоположного берега, но не удержался, сва-

лился в реку и набрал полные сапоги воды. На вопрос: «можно ли сменить носки», он получил вполне предсказуемый ответ: «может, тебе ещё попку подтереть?»

Благодаря этому инциденту Генрих на протяжении всех учений оставался в арьергарде и не попал под перекрёстный огонь своих воинственных однополчан.

Вернувшись в казарму, он со стоном снял мокрые сапоги. Его ноги, распухшие, покрытые кровавыми мозолями и клочьями кожи, напоминали пышный малиновый пирог.

Презрительно бросив, – Ещё не воевал, а уже спёкся, – унтер разрешил отправиться к доктору.

Войсковой эскулап выдал Генриху деревянную палочку и приказал зажать её между зубами. Деловито срезав мозоли, он обильно полил раны йодом, наложил повязки и оставил пострадавшего на ночь в палате. Наутро к Генриху явился хмурый посетитель. Уже с порога он осыпал его бесцеремонной бранью:

– Ну, ты, ссыкун. Откосил, значит?

Штельцман подошёл вплотную к койке.

– Думаешь, всех обштопал? – шипел он. – И не надейся! Я вижу тебя насквозь. Будь моя воля – надрал бы тебе задницу. Повезло тебе, глист. Собирай свои монатки и проваливай с глаз моих долой!

Всему этому было лишь одно логическое объяснение: стране нужен был уголь, чтобы плавить металл, стране нужен был металл, чтобы ковать оружие. Кто-то там, наверху, во-

время спохватился, и всех шахтных специалистов отозвали назад, на их рабочие места.

Знакомые звуки привлекли внимание, и Генрих задрал голову. Из-за красных черепичных крыш показались дикие гуси. Один клин наплывал на другой, и вскоре косяки исчезли всё небо. Гости из Заполярья громко гоготали, как будто обсуждая что-то на своем, только им понятном, языке.

Самые смышлёные из них приземлялись в близлежащих крестьянских поместьях. Угрожающе шипя, они отбирали корм у своих домашних собратьев. Другие опускались на луга, покрывали зелень серой тучей, потеснив местных баранов. И лишь несколько гусей продолжали кружить в высоте. Они наполняли воздух печальными криками, как будто оплакивали товарищей, погибших в пути.

– Всё, как у людей, – тихо проговорил Генрих и опустил глаза.

Угольный шлак, издавна служивший дорожным покрытием, был устлан осенним ковром.

– Неужели, я дома? Не в отпуск, не на побывку – насовсем? Почему же так щемит сердце?

Чтобы развеять внутреннее смятение, Генрих обычно боксировал или пускался на какую-нибудь шалость. Засунув руки в карманы шинели, он тихо присвистнул и подцепил носком сапога кучку опавшей листвы. Ветер подхватил пёстрый ворох, погнал по улице, замёл под штакетники, развеял по отцветающим палисадникам.

Шорох возвестил о его приходе. Сосед из правой половины дома появился на крыльце и уже прикуривал сигарету без фильтра.

– А, Генрих, снова дома? – притворно удивился он.

Еле сдержав ухмылку, Генрих воскликнул:

– Клаус! Как же мне тебя не доставало.

Наблюдательная вдова из дома напротив обладала большей выдумкой. Для каждого уличного события у неё находились самые разнообразные занятия: вытряхнуть коврик, подмести крыльцо, развешать белье. В случаях, требующих более длительного наблюдения, она принималась поливать палисадник.

На этот раз она решила помыть окно. Зеленые ставни широко распахнулись, и в полукруглом проеме появилось морщинистое лицо. В то время как ее руки возили тряпкой по блестящему стеклу, глаза насыщались происшествием.

– Привет, Генрих! Вернулся?

– Как видишь, Гудрун. Твоими молитвами....

Он поднялся по каменным ступеням. Перед входной дверью снова остановился, прикоснулся пальцами к шершавой, покрытой копотью, стене.

Коксовый завод протянулся в центре шахт и пытел день и ночь с усердием старого паровоза. Коричневый дым закоптил и полосатую лифтовую башню, и голенастый копер, и здания шахтного управления. Он расплзался по улицам и закоулкам рабочего посёлка, покрывал налётом крыши и фа-

сады домов. От него тускнели деревья, цветы и травы. Белые занавески становились жёлтыми уже через день после стирки и пахли угольной пылью. Так или иначе, гарь и смог были неотъемлемой частью шахтёрской жизни, а потому – роднее и приятнее, чем все краски и благовония мира.

На окне гостиной шевельнулась занавеска, выпустив запах вареной фасоли. Матильда делала домашние заготовки. Генрих представил себе полки подвала, заставленные вареньями, соленьями и маринадами, сглотнул слюну и постучал.

Дверь открыла Дорис. На ней было то же самое платье, что и в день его отъезда. Шёлковый колокольчик, как прежде, спадал с узеньких плеч, но уже совсем не прикрывал ободранные колени.

– Здравствуй, доченька, – ласково произнёс Генрих.

Он раскинул руки, хотел её обнять, но она отпрянула и быстро захлопнула дверь. Протопав босыми пятками по коридору, она пересекла столовую и вбежала в кухню. До Генриха донёсся её испуганный голос:

– Мама, мама, там какой-то незнакомый солдат.

– Какой солдат? – всполошилась Матильда.

Вытирая о фартук мокрые руки, она выбежала на порог и остолбенела:

– Боже мой! Генри, ты на побывку?

Отметив беглым взглядом любопытных соседей, она прошептала:

– Все сплетники уже в сборе, – затащила Генриха в дом,

захлопнула дверь и провернула ключ на два оборота.

Прижавшись к нему всем телом, она гладила спину под серым сукном и бормотала одно и то же, как будто забыла все другие слова:

– Боже мой..., боже мой..., боже мой....

Дорис приблизилась, робко потеревила подол длинной юбки:

– Мама, это кто?

Матильда удивлённо посмотрела на нее:

– Дорис, да, это же твой отец, неужели не узнала?

Она снова повернулась к Генриху, разглядывая осунувшееся лицо, чёрные круги под глазами, запавшие щёки, прошептала:

– Генри, кожа да кости. Вас там что, совсем не кормили?

– Да, как тебе сказать. Подвесили селедку под самый потолок, не допрыгнешь, – грустно улыбнулся Генрих.

Потеребив Генриха за руку, Дорис восторженно спросила:

– Папа, а ты теперь тоже солдат?

Услышав слово „папа“, Генрих вздрогнул. Он отвернулся к гардеробу, долго нащупывал петлю, потом просто накинул шинель воротом на чугунный крючок. Совладав с собой, повернулся к дочери и переспросил бодрым голосом:

– Тоже? Почему?

– У Вальтера отца на войну забрали, так он теперь повсюду хвастает и из рогатки пуляет. Вон, смотри.

Она согнула левую руку и показала Генриху небольшой

синяк чуть выше локтя.

– Вот засранец! Больно?

– Немножко.

Генрих присел на корточки, взял в ладони ее лицо. Глядя в глаза, он произнес тихо, но убедительно:

– Вот видишь, дочь, даже камешком из рогатки – больно. А пуля – она и ранит человека, и калечит, а то и убивает.

– Убивает? Это как?

– Убивает..., убивает как тебе объяснить? Это бах – и нет тебя, совсем. Может так случиться, что и отец этого глупого мальчишки больше никогда не вернется домой. Никогда, понимаешь? Плохая эта штука – война!

Глядя на мужа расширившимися глазами, Матильда приложила палец к губам. Потом подтолкнула детей в столовую. Когда за ними закрылась дверь, она быстро спросила:

– Так ты на побывку?

– Не, насовсем!

– Насовсем? Как тебе удалось?

– Да, очень просто: всё время стрелял мимо мишени.

Из двери столовой показался любопытный нос.

– Папа! Правда? – вскрикнула Дорис.

– Нет, нет, Дорис! Я пошутил. На самом деле – я здесь больше нужен.

Фея

Зима наступала постепенно, шаг за шагом. В начале октября прошел первый снег. Он припорошил лужайки между казармами и тонкие осины. Он то таял, то вновь выпадал. Алые листья перестали трепетать, повисли, как мокрые флаги, а потом пожухли и все разом опали. Они несколько дней мерзли на заиндевевших газонах, пока ночная пурга не укрыла их белыми шубами. В начале ноября уже установились прочные, неистребимые морозы.

Дмитрий вышел из казармы и вскинул голову к небу. Синева была такой пронзительной, что он невольно зажмурил глаза. Ноздри слиплись от мороза. Белые облачка, вылетающие изо рта, посеребрили ресницы, взмохнатили брови. Дмитрий задышал поверхностно, стараясь не пропускать внутрь обжигающий холод. Он так сосредоточился на этом процессе, что не сразу заметил вышедшего из казармы Николая. Посасывая незажженную сигарету, тот уже несколько секунд буравил его выжидательным взглядом.

Дмитрий сделал вид, будто впервые увидел снегирей, облепивших заиндевевшие ветви. Он разглядывал их с преувеличенным вниманием, боковым зрением наблюдая за другом.

- Ну, чё, братец ты мой, закурим? – не выдержал Николай.
- Ты же знаешь, что я не курю, – включился в их повсе-

дневную перепалку Дмитрий. – Ну, ладно, так и быть.

Скинув рукавицы, он достал из-за пазухи смятый спичечный коробок, несколько раз чиркнул и дал Николаю прикурить. Потом подержал горящую спичку в руке, пока огонь не добрался до пальцев, отбросил черный огарыш в снег, энергично подышал в ладони и быстро натянул рукавицы.

Перекатив сигарету в левый уголок рта, Николай небрежно заметил:

– Я слышал, к артиллеристам поступила новая лошадь.

– И ты молчишь, как партизан? Пойдём скорее!

В конюшне уже собрался полноправный совет, состоящий из старшего конюха Демьяна и его помощников – Ильи и Кирилла. Стоя у перегородки денника, они критически осматривали вновь прибывшую, чтобы подобрать для нее подходящую кличку. Как и полагается, полемику открыл старший по званию. Похлопав ладонью по широкому крупу, Демьян неторопливо протянул:

– Ну, что у нас в запасе? Ёжик и Тушкан, Валет и Дама, Орёл и Ласточка, – он перечислял с достоинством, загибая свои заскорузлые, пропахшие дёгтем, пальцы. – У всех лошадей есть пара, только Император безжённый.

Всё это время второй конюх Илья нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Как только прозвучал заключительный вердикт, он выпалил:

– Ну, давайте, так и назовём: Императрица!

Но Демьян решительно отверг его предложение:

– Нет, не годится! Слишком длинно. Всё горло сорвёшь, пока дозовешься.

– Ну, не знаю. Короче только Царица, – не отступался Илья.

– Это что же у нас получится? Не конюшня, а сплошная монархия.

– И то тебе не так, и это не эдак. Ну, и придумывай тогда сам!

Засунув руки в карманы ватника, Илья обиженно отвернулся. Демьян положил на его плечо мозолистую ладонь и сказал примирительным голосом:

– Ладно тебе, остынь. Это же всего-навсего кличка.

Створка конюшенных ворот подергалась, отлипла от наледи и приотворилась с недовольным скрипом. Дмитрий и Николай протиснулись в образовавшуюся щель. Лошадь вскинула голову и уставилась на тени, маячащие в клубах морозного воздуха. Потом сморщила белую проточину, протянувшуюся по всей морде от ноздрей к ушам, и снова скосила на конюхов блестящий глаз.

– Назовите Берёзкой! – прокричал Дима с порога.

Он потопал валенками, подошел к лошади и что-то прошептал в мохнатое ухо. Лошадь кивнула головой и тихо фыркнула.

– Вот видите, она уже согласна.

Демьян вскинул голову, молча воззрился на „пехоту“, появившуюся на артиллерийские дела. Его взгляд скользнул в

сторону, как веник, смахивающий из темного угла паука, и остановился на втором конюхе. Илья понял без слов и гордо озвучил мнение командира:

– Берёзка и Император? Скажешь тоже!

Третий конюх, Кирилл, робко кашлянул в кулак и предложил:

– Давайте назовём её Фея.

Дмитрий окинул опытным взглядом упругие бедра, широкий таз, богатырскую грудь, могучую шею и произнес с сомнением:

– Фея? Красиво. Только совсем неподходяще.

– Это почему же?! – ревниво вскинулся Илья.

– Фея – она стройная, воздушная. Настоящая богиня.

Ласково погладив шелковистую пепельную гриву, Кирилл проговорил с такой проникновенностью, будто ворковал с возлюбленной:

– Ну, чем тебе не Богиня? Будет парой нашему Императору.

– Это, конечно, так. Только знайте: феи всегда приносили людям одни несчастья, – продолжал отстаивать свое мнение Дмитрий.

– Всё это глупости и суеверия! – решительно заявил Демьян, поставив точку в дискуссии.

Дмитрий понял, что дальнейшие возражения бесполезны, а потому согласно кивнул:

– Ну, хорошо, как хотите. У вас есть консервная банка?

– А это ещё зачем? – удивился Илья.

– Сделаем ей бирку. Наш колхозный конюх, дядя Федот показал мне, как выбивать.

– И чем же?

– Да, чем угодно! Хоть бы гвоздём.

– Ну, этого добра у нас завались. Черт на печку не вскинет! – воскликнул, довольный положительным исходом полемики Демьян. – Кирилл, стоняй на кухню, попроси у Данилыча пару консервных банок. Сделаем бирки всем лошадям. У нас же артиллерийское равноправие!

1941

Урожай росы

– Эх, братцы, сейчас бы холодненького кваску, да в баньку!

Николай поскрёб под гимнастёркой и чинно сошёл с земляного приступка, который утрамбовал рядом со стенкой траншеи, чтобы стоять вровень со своими более высокими товарищами.

– Слышь, рядовой Ушаков, хватит дрыхнуть, твоя очередь, заступай в караул.

Он расправил затёкшую спину, вытащил гребёнку, зачесал назад отросшую шевелюру, продул расчёску и сунул обратно в нагрудный карман. После этого поплевал в ладони, пригладил виски и слегка похлопал по макушке, проверяя правильность причёски. Заложив большие пальцы рук под ремень, повозил взад-вперёд и недовольно поморщился – плотность прилегания слабела день ото дня.

Он потряс Диму за плечо:

– Ну, ты, братец, спишь, как убитый, пушками не разбудишь.

Он опять взобрался на „насест“, как окрестил земляную ступеньку ехидный Егор. Унизительное название раздража-

ло Николая, но, чем больше он с ним боролся, тем прочнее оно входило в обиход.

— Ага, встаю, — отозвался Дима заспанным голосом.

— Как думаешь, сколько дней мы уже здесь кукуем?

— Да уж, пожалуй, больше недели.

Дима сел, потёр глаза кулаками, прикрыл рот ладонью, тихо зевнул. Он хотел потянуться и вдруг сжался, вспомнив, что вот уже десять, нет, целых одиннадцать дней идёт война.

Она свалилась на их головы буквально с ясного неба.

Тёплым июньским вечером дивизия прибыла в Псковскую область для участия в больших воинских учениях. Они переночевали в палатках на старом, Кутузовских времён, полигоне, а наутро на них налетели немецкие бомбардировщики. Пока солдаты недоумённо разглядывали чёрные кресты на крыльях и фюзеляжах, самолёты раскрывали бомболюки.

Дима, как и многие товарищи, не успел добежать до укрытия и упал прямо там, где стоял. Вывернув глаза, он с ужасом наблюдал за тем, как вперемешку с комьями земли и ошмётками одежды с неба сыплются куски человеческого мяса.

Выросший на Крайнем Севере, он знал не понаслышке, что такое опасность. Но, встретившись с диким зверем, очутившись в лодке на штормовой реке или попав в снежную пургу, человек мог повлиять на событие, преодолеть преграду собственными силами. Здесь же царило тотальное, бездушное, безмозглое уничтожение.

Когда грохот достиг апогея, Диму охватил такой безгра-

ничный, такой опоясывающий страх, что он перевернулся на бок и подтянул ноги к подбородку. Лёжа в позе эмбриона, он сцепил пальцы на затылке, зажал уши локтями и крепко, до боли зажмурил глаза.

Для многих бойцов война закончилась, не успев начаться, а Диму не тронул ни один, даже самый маленький осколок.

В тот же день пришёл приказ о передислокации на запад. Преследуемая вражеской авиацией, преодолев десятки километров по искореженным дорогам, дивизия заняла оборону в Латвии. Отделению сержанта Можгина было приказано охранять лесной просёлок.

– А теперь вгрызайтесь в землю, ребятушки, по самые уши, по самые макушки. Немец озверел, ишь, как дубасит, заломай его шатун, – озабоченно поторапливал сержант.

Он до темноты колесил между окопами на коротких кривых ногах, бормоча под нос:

– С трёхлинейками против танков, эх, сынки.... У всякой охоты свои заботы.

Они так и уснули с пехотными лопатками в руках. Разбудив своих подчинённых задолго до рассвета, дядя Семён приказал соединять одиночные окопы траншеями полного профиля.

Командира отделения, уроженца Удмуртии, по-настоящему звали Сезяй Можгин, но солдаты окрестили его по-родственному „дядей Семёном“. А он и не возражал. Старый вояка, отшагавший сотни вёрст по дорогам первой мировой,

принявший участие в революции и гражданской войне, он так и не успел обзавестись собственной семьей. Он относился к молодым солдатам, как к детям, не настаивал на излишней субординации и не наказывал без веской причины, а если и хмурил жидкие брови, так только для того, чтобы скрыть снисходительность в чёрных раскосых глазах.

– Димка, ау, братец, никак снова закемарил?

– Нет, нет, Коля, просто немного задумался.

– Сейчас бы в баньку, а?

– В баньку? – Дима облокотился о бруствер рядом с товарищем. – Сходим ещё в баньку, какие наши годы.

– Щас солнце-то встанет, задаст нам жару и без баньки, – пробубнил Егор сквозь зевоту.

Он встал на колени, свёл лопатки так, что рёбра нарисовали скелет на пыльной гимнастёрке, на четвереньках дополз до друзей и привалился спиной к песчаной, вечно осыпающейся стенке траншеи.

– Сколько можно, а? Даже ночью никакого спасения, – возмущался он ломким юношеским голосом.

Всё это время их донимала невыносимая жара. Казалось, сосны целый день только тем и занимались, что ловили солнечные лучи, наматывали их на длинные иглы и до позднего вечера баюкали в раскидистых кронах. Ночью смолистый дух стекал по восковым стволам, расползлся по траншее и прятался во всех извилинах до нового утра.

– Егорка! А ты чё подскочил в такую рань? Поспал бы ещё.

Сейчас Димкина очередь.

– Поспишь тут, как же, под ложечкой так и сосёт, так и сосёт, – Егор скрючился, зажал руками живот и облизал растрескавшиеся губы. – Что они там, совсем про нас позабыли? Так и помереть недолго!

– Ну, так, не до того им. Слышь, как немец долбит? День и ночь, день и ночь. Так и до нас доберётся, помяните моё слово, – поднял всклокоченную голову Славик. – Егорка, а ну, потеснись.

Ему, как всегда, пришлось сложиться втрое: сапоги сорок пятого размера упёрлись в противоположную стенку траншеи, увесистый, заросший светлой щетиной подбородок уткнулся в колени, правая рука придавила костлявый загривок товарища.

– Колян, а ты чё без каски? – удивлённо прогудел он. – Твой подсолнух за семь вёрст видать.

– Под дубком она. Вон, видишь? И фляжка там же.

– Ну, так.... Чё эт ты выдумал?

– Чё выдумал? Росу собираю, братец ты мой. Понимаешь? Росу.

– Ро-су? – скептически протянул Егор.

– А то ж! По сто грамм точно накапает, – заверил, гордый своим изобретением, Николай.

– Да, уж, хоть бы кадык смочить, а? – Егор неуверенно поскрёб цыплячью шею.

Продовольствие и воду на их позицию подвезли только

один раз – вечером второго дня. Руководствуясь многолетним военным опытом, дядя Семён приказал разделить трёхдневный паёк пополам: таким образом, его удалось растянуть почти на неделю. Воду экономили ещё больше, но бакчок, в конце концов, тоже опустел – накануне из него вытрясли последние капли.

Помимо сосен и елей в лесу росли лиственные деревья. Рядом с траншеей раскинули ветви молодые дубы. Дядя Семён не случайно выбрал эту позицию: густая поросль служила хорошим укрытием и для часового, и для стрелка.

Заступая на караул в предутренний час, Коля первым делом сладко потянулся. При этом он задел ладонью повлажневшую листву, и в его голове зародился гениальный план. Он подставил под ветви всю доступную посуду, немного поколебавшись, снял с головы каску, вытащил из неё подтулейное устройство и подсунул туда же металлический корпус.

– Слушай, ну, ты прям Кулибин, – восхитился Славик и громко сглотнул. – Только каска – это ты зря, нельзя без каски. Смотри, снесёт тебе немец башку.

– Не снесёт. Ну, что, Димка, давай, что ли закурим, а то живот пучит, будто там мышь повесилась.

– Да я вроде как не курю, иль забыл?

– Вот и я о чём, – Коля хлопнул рябой лопатой по Диминой спине, – Выкатывай махорку, братец ты мой, пока совсем не слежалась.

– С тобой слежится. Смотри, одно крошево осталось.

Он достал из кармана галифе потёртую пачку с надписью „Курительная махорка крупка“ и протянул Николаю.

– И нечего меня дубасить, мне и без твоих тумачков известно, что я твой самый хороший, а главное – самый выгодный друг.

– Ну, само собой, – беззаботно подтвердил Коля и спустился с „наседа“.

Он уселся на приступок, раскрыл пачку, оценил на глазок количество „махры“, скрутил в трубку клочок газетной бумаги, сплющил и подогнул один конец, аккуратно высыпал в получившуюся воронку коричневые крошки и выскреб ногтем все углы и складки. Раскурив „козью ножку“, он глубоко затянулся, прикрыл глаза жёлтыми ресницами и выпустил тяжёлый въедливый дым сквозь щербину между передними зубами.

– Слышь, Колян, ты это, поделись с товарищем выгодой, – заканючил Славик, что совершенно не вязалось с его низким, густым, как у тубы, голосом. – А то в горле совсем пересохло.

– Бумажку дашь – табак ваш, огоньку добудешь – вот и покуришь.

– Знаю, знаю, сто раз слышал, – Славик протянул массивную, как у штангиста, руку.

Коле совсем не хотелось прослыть среди друзей крохобором, но он не сдержался, попенял:

– Смотри, это последняя, так что, чур, не в затяг.

– Ладно, уговорил.

Славик сделал две затяжки, смерил глазами остаток и вернул Коле.

– Вот сидим мы здесь, в окопе. Не евши, не пивши. А они там куют свои коварные планы, придумывают, как бы нас истребить. Ни один зверь не убивает себе подобного, – задумчиво проговорил Дима, вглядываясь сквозь тонкие дубовые ветви в предрассветный лес.

– Не, животные тоже дерутся. Вот ты когда-нибудь наблюдал, как быки меж собой корову делят, а? Рогами сцепятся, мычат, как полоумные, копытами бьют – земля дрожит, – возразил Егор.

Всё это время он тревожно наблюдал за передвижениями хабарика. Наконец, изловчился, со словами «мне-то хоть чуток оставьте, а», перехватил самокрутку и торопливо, пока не отобрали, засмоктал. Впрочем, к этому времени от „козьеi ножки“ осталось одно копытце.

– Чего не сделаешь, чтобы завоевать женское сердце. Сломанные рога – не самая большая жертва, – парировал Дима. – К тому же они друг друга не убивают, только силами меряются. А гомо сапиенс устраивает побоища. Придумывает всё новые и новые средства уничтожения.

– Какой такой гомо? – заинтересовался Коля.

– Гомо сапиенс – человек разумный. Да и сам себя этот умник не жалеет, – Дима обернулся к курильщикам. – Вот вы, к примеру, знаете, что одна капля никотина убивает здо-

ровую лошадь?

– Здоровую лошадь? – переспросил Славик и ткнул в бок тщедушного Егора, который с рекордной скоростью уничтожал смертоносный яд.

Его глаза косили по сторонам, ноздри трепетали как у жеребца, готовящегося взять барьер. Егор сделал последнюю затяжку, обжёг губы, чертыхнулся, кинул хабарик на землю, затушил его ржавой слюной и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Димка, вот ты мне объясни, почему ты такой умный, а? Он сдвинул каску на затылок, будто хотел не только услышать, но и рассмотреть ответ.

– Умный? – Дима пожал плечами, – Ничуть не умнее других.

– Ну, как же. Вон, какие мудрёные слова знаешь, а? Да и вообще, что ни спроси – на всё у тебя есть ответ, – не унимался Егор.

– Так это не ум, а просто знания, – отмахнулся Дима.

– Он не курит, братец ты мой, – пояснил Николай и ответил приятелю такой увесистый подзатыльник, что каска перекатилась вперед и встала рыцарским забралом на прозрачной переносице.

– Ты чего, а? И при чём здесь курево? – он как будто совершенно забыл, как только что торопливо, на глазах у товарищей высосал последнюю усладу.

– Егорушка, братец ты мой, вот ты только и делаешь, что

перекуриваешь, ведь так?

– Ну, и чё?

– А Димка в это время книжки читает, занимается самообразованием, – втолковывал Коля непонятливому товарищу.

– Ты на себя-то посмотри, а! Сам только и делаешь, что „стреляешь“! Отдал бы другим свою махру, и занялся бы тоже этим – самообразованием, – петушился Егор.

Славик, слывший в компании миролюбом, придавил тяжёлой, как мельничный жернов ладонью хрупкое плечо.

– Я тоже книжки люблю. Особенно приключения всякие, – пробасил он с важным видом. – Только у меня, ну, это, чтоб читать, времени не было. Да и школы у нас в деревне настоящей тоже нет. Я как „ликбез“ закончил, сразу стал родителям помогать. Ну, чтоб прокормиться. У нас семья большая, девять ртов, я – самый старший.

– Да, братцы, все мы тут прошли три класса и коридор. Один Димка у нас учёный.

– Учёный? Это каких же наук-то, а? – выполз Егор из-под пудовой руки.

– Ты чё, забыл? Он же бухгалтер. Туда, братец, после „началки“ не берут. Дим, расскажи, как тебя в бухгалтера-то занесло?

– Да, рассказывать особо нечего. Вообще-то я хотел сразу после началки пойти в помощники к нашему конюху, дяде Федоту. Только родители настояли, чтоб я дальше учился.

Такие дела. Коля, ты меня больше не отвлекай, а то лазутчиков пропущу, – отмахнулся Дима, пристально вглядываясь в рассветную дымку.

Все смолкли, вспомнив о том, что сидят в лесу, полном опасностей. Помимо бомб немцы сбрасывали на приграничные территории листовки и парашютистов. Бывшие белогвардейцы, переодетые в красноармейскую форму, появлялись в самых неожиданных местах, вели подрывную пропагандистскую деятельность, устраивали саботаж в военных частях.

– Димка, да ты полиглот! – ввернул Егор услышанное где-то слово.

– Это чё за ругательство такое? – опешил Николай и отвесил ему новую затрещину.

– Сам ты „ругательство“, – Егор потёр горящую шею.

– Ну, а чё ты прокукарекал? Чё за слово такое? Звучит как-то странно.

– Ну, ты и дуботряс! По-ли-глот, – произнёс Егор по слогам.

Опасаясь новой оплеухи, он втянул голову в плечи и стал похож на обиженного попугая.

– Ну?

– Чё ну-то? Вот всё тебе надо разжёвывать, совсем думать разучился. Небось, тоже от курева?

– Ты, это, Егорка, не задирайся, – остудил его Славик.

– Полиглот – поля глотает, целые поля! Значит, много зна-

ет. Теперь дошло? – уже более спокойно продолжил Егор и повернулся к Дмитрию. – Дим, ну, скажи ты ему!

– Верно, Егор, верно. Полиглот – тот, кто знает много языков.

– Ну, так, это, значит, и я полиглот, – обрадовался Славик и подмял Егора под правую руку.

– Ты-то каким духом, а? – простонал тот, выглядывая из-под локтя, как изработанная кобыла из-под хомута.

– Ну, так, это... Я знаю, как будет: „Я тебя люблю“.

– Хм, я тоже, – Егор снова вылез из-под ярма и пересел на другую сторону траншеи.

– Ну, так я ж на нескольких языках.

– Ну, так, ну, так. И откуда же такие великие познания?

– Ну, так, от людей. Вот, скажем, „жё тэм“ – это по-французски. Наша учительница, бывало, заведёт граммофон, сядет у раскрытого окна и грустно так подпевает „Жё тэм, жё тэм“. У неё жених с войны не вернулся.

– И это всё? – не унимался Егор и насмешливо промурлыкал: – Жё тэм, жё тэм.

– Ты чё, совсем считать разучился? Я ж сказал – на нескольких. Вот скажи, по-каковски будет: „Ай лав ю“?

– Кого лаю?

– Ну, тебя, балбес, не „лаю“, а „лав ю“. Наш сосед дядя Боря, ну, знаешь, тот, что с первой мировой без руки вернулся – он безжённый был, всю жизнь в солдатах. Так вот он, от одиночества или как, не знаю, завёл себе козу. И ко-

гда выпивал, а выпивал он крепко, до слёз, то обнимал эту самую козу за шею и шептал ей на ухо: „Ай лав ю, ай лав ю“. Это он от пленного англичанина научился. Тот женину фотокарточку нацеловывал и шептал: „Ай лав ю, ай лав ю“.

Славик распрямил спину и гордо посмотрел на Егора.

– Лаять может каждый дурак. Ты мне лучше скажи, как будет по-ихнему: земляк, поделись жратвой, а? – задал тот животрепещущий вопрос.

– Знаете, братцы, вот закончится вся эта заваруха, вернусь я домой, и буду любить мою Любашу безо всяких там запутанных слов. По-нашенски, по-русски, – тихо проговорил Николай.

Так случилось, что только у него, единственного из всей компании, на „гражданке“ осталась девушка. Он писал ей каждый день длинные письма. Поначалу друзья подтрунивали над ним, а когда зависть улеглась, сами присоединились к эпистолярному творчеству. Вскоре между ними даже разгорелось настоящее соревнование: каждый стремился как можно живее и красочнее описать последние армейские события. Так Любаша стала „девушкой отделения“.

– А как это по-нашенски? – серьёзно, уже совсем без подковырки, спросил Егор.

– Да, очень просто, братец ты мой. Сам буду воду из колодца таскать, сам картошку сажать.

– При чём здесь картошка-то, а?

– Чё тут непонятного-то, а? – петушиным голосом повто-

рил Коля недавние Егоровы слова. – Тяжёлая это работа – воду таскать, да огород копать. Всю тяжёлую работу возьму на себя. Беречь я буду мою Любушку, чтоб красота её не угасла.

– Ну, так, это. Может, хватит про колодец, да про картошку. Жрать охота, а ещё пуще – пить, – промолвил Славик и вдруг насторожился. – А ведь эти каналы, кажись, к нам подбираются.

Разговор стих. Замерли и все лесные звуки: дятел перестал долбить старую сосну, белка больше не лущила шишки, птицы прервали утреннюю переключку. Лесные жители вместе с людьми прислушивались к рокоту моторов. Вскоре всем стало предельно ясно – вражеская авиация направляется в их сторону.

– В укрытие! – заорал дядя Семён.

Все забрались под бревенчатый накат, один Николай пружинил на корточках и нерешительно поглядывал на бруст-вер.

– Чёрт, братцы, роса, наша роса, – твердил он одно и то же.

Бомбардировщики были уже совсем близко. Кровожадно урча, они готовились опростаться над целью.

– Колька, тебе жить надоело?

Дима вылез из укрытия и с силой потянул товарища за штаны. Николай упал на колени, но жажда пересилила страх.

– Щас я братец, щас!

Он вырвался, с неожиданным для его комплекции проворством вскочил на земляную ступеньку и потянулся за

каскай. Рыжая шевелюра полыхнула в свете солнечных лучей.

– Ложи-и-сь! Колька-а-а! – закричал Дима.

– А-а-а! – эхом откликнулся лес.

Николай рухнул на Диму. Молодой дубок упал поперёк. И всех лавиной накрыла земля.

Когда все закончилось, Дима выкарабкался из-под обмякшего тела, протёр засыпанные песком глаза.

– Колька, ты чего, Ко-о-лька? – тормозил он друга и вдруг увидел чёрное жало, торчащее из левого виска.

Тонкая струйка крови стекала из-под него, смешивалась с пылью, покрывала бурым налётом весёлые веснушки. Стянув с головы каску, Дима пытался накрыть ею растрёпанную рыжую шевелюру, но осколок упирался, неумолимо стоял на пути.

Самолёты скинули смерть и улетели, а Дима всё сидел и сидел возле друга, уставившись в одну точку. Его одолевала одна и та же неотвязная мысль. Она ломилась в голову, как непрощеный гость: «Чёрт, ну, почему у меня осталось так мало махорки? Всего на одну закрутку».

Английский шпион

Лес уже оправился от пережитого ужаса и наполнился знакомыми звуками. Они сверлили мозг своей обыденностью. Склонив обнаженные головы, трое сидели возле свежего холмика.

Опасаясь новых налетов, дядя Семён приказал похоронить Колю в его же окопе – крайнем с левой стороны. На себя он взял ещё более тяжёлую миссию – написать сообщение родным. В карманах Колиной гимнастёрки командир отделения обнаружил несколько последних писем, адресованных Любаше. Кроме неё у Николая больше никого не было.

– Да-а-а, редуют наши ряды, – Егор поелозил рукой по потным волосам, вздохнув, продолжил. – Эх, братцы, даже помянуть нечем.

Услышав Колино любимое слово, Дима вздрогнул, посмотрел на Егора отрешенным взглядом, сморгнул и опять упёрся глазами в серый холмик. Из-под каски, лежавшей в изголовье, топорщились рыжие сосновые иглы.

– Ну, ты, это, – Слава тронул Егора за руку.

– Пацаны, – смущённо поправился тот.

Разговор явно не клеился, и это тяготило общительного Егора. Ему хотелось, во что бы то ни стало, расшевелить погрустневших товарищей. Не долго думая, он принялся балагурить:

– Слышь, Славик, ты ж у нас Водовоз. Оправдай-ка своё доброе имя, подвези водички, а?

Фамилия Водовоз привлекла внимание Егора уже в начале службы. Сразу после знакомства он пропел первый куплет из популярного фильма „Волга-Волга“: «Удивительный вопрос: почему я водовоз? Потому что без воды – и ни туды, и ни сюды!» Такое начало явно польстило Славику. Он хмыкнул, смущённо пробормотав: «Ну, ты, это...». В тот момент наивный верзила ещё не знал, каким неисчерпаемым запасом творческой энергии обладает его новый товарищ.

Окрылённый первым успехом, Егор начал склонять звонкое имя на все лады, придумывать к нему самые немислимые рифмы. От безобидного „паровоз“, он перешёл на личное „щетиною оброс“, а потом добрался до глубоко интимного „целуется взасос“. Но, сколько он ни старался – Славик лишь добродушно отмахивался: «Ну, ты, это, сильно-то не загибай».

Сейчас ему было совсем не до смеха, и он нехотя пробубнил:

– Ну, так, где ж я тебе водички-то возьму?

– А ты портянки выжми, – не унимался Егор.

– Ну, ты и пустобрёх, – Слава укоризненно покачал головой и вдруг вытянул шею, пристально вглядываясь в сизую дымку. – Да, это, кажись, лошадь.

– Лошадь? Какая лошадь?

Егор обернулся, встал на цыпочки, но ничего не увидел за

вздыбившимися корнями и недоверчиво хмыкнул:

– Тебе, видать, темечко-то напекло, а? Уже привидения мерещатся.

– Привидения не щиплют траву, – отрезал Славик.

Он вытащил из земли пехотную лопатку, показал остриём в сторону поваленного дерева:

– Вон же она, вон. Неужто не видишь? Топчется между воронками. Держи правее, говорю. Слушай, уж не от наших ли сбежала?

Он смещал голову то влево, то вправо, при этом его шея и плечи оставались неподвижными, как у восточной танцовщицы. Затем воткнул лопатку перед собой, оперся на неё обеими руками, пригнулся и радостно воскликнул:

– Да это же Фея, с нашего артиллерийского расчёта!

Дима поднял голову, присмотрелся и тоже узнал дивизионную тягловую лошадь. Свесив длинную гриву, Фея с удивительным проворством выдёргивала из песчаной почвы редкие травинки: нижняя челюсть отчванивалась и шлёпала по жёлтым зубам, над белой верхней губой пробегали морщинки.

– Ишь, замаскировалась, – обрадовался Егор, который, наконец, тоже разглядел за спутанными сосновыми ветвями коричневый лошадиный круп. – А, может, она и не наша? Может, какая другая лошадка, а? – он подозрительно прищурился.

– Какая-токая другая?

– Ну, не знаю, из колхоза сбежала.

Фея услышала разговор, подняла морду и посмотрела в их сторону. В её блестящих глазах отражался лесной хаос. В них корчила рожи сама война. Лошадь недовольно фыркнула, переступила с ноги на ногу, подёргала мускулистыми боками и снова углубилась в своё занятие.

– Да, нет же, Фея, точно она.

– А ты будто всех наших лошадей знаешь?

– Ну, так, всех, не всех, а Фея – она приметная. Масть у неё необычная, игренивая. Сама бурая, а грива и хвост – пепельные, как туман. И на морде – белая проточина. Ей ребята и кличку подходящую дали – Фея, волшебница значит. Дим, ну, скажи ты ему, ведь, правда?

Дима протёр рукавом пот со лба, а заодно, как будто невзначай, прошёлся по мокрым от слёз щекам и молча кивнул.

– С артиллерийского расчёта, значит. Что же это такое, а? Выходит, они уже всех наших порешили? – упавшим голосом проговорил Егор.

– Да, ну, это, ты чё..., – неуверенно пробасил Славик и обнял друга за узкие плечи. – Не выдержала шума, да и утекла. Сам знаешь, как там грохочет.

– Ага, лошади, они ведь пугливые, правда, Дим? – с надеждой спросил Егор и забрался поглубже под Славину подмышку.

Войсковые лошади-тяжеловозы были приучены и к бом-

бёжкам, и к грохоту канонады – их размещали в специальных укрытиях прямо возле огневых позиций. Дима знал это, но ответил коротким «да».

– Димка, жрать охота, а ещё больше – пить, – заныл Егор и облизнул пересохшие, растрескавшиеся губы.

– А я тут при чём? – удивился Дима.

– Пойди, поймай лошадку.

– Я лошадей не ем.

– Я тоже. Ну, ты же, вроде, этот, как его – скакун, а?

– Скакун – это конь. А всадника в артиллерии называют ездоком, – вяло, скорее, по привычке, поправил Дима.

– Димка, ну, хорош умничать, а? Поймай скакуна, сгоняй в деревню. Может, крестьяне хоть картошкой поделятся. Да водицы набери, побольше, сколько унесешь! Дядь Семён, дай добро.

Всё это время сержант задумчиво всматривался в марево, застлавшее лес. Он уже давно подозревал, что немцы постепенно берут их в кольцо. Теперь он был почти уверен, что самые важные подразделения дивизии разбиты и окружены. Отныне судьба отделения зависела только от него, и он принял решение:

– Хорошо, Дима, поймаешь коня – скачи в деревню. Только не храбрись без надобности, держи ухо востро.

Тихо подсвистывая, Дима подкрался к лошади, взобрался на широкую потную спину и вцепился обеими руками в гриву. Он мягко тыкал Фею то в правый, то в левый бок, на-

правляя её через бурелом к опушке леса.

Пшеничное поле было усеяно воронками. По изрытой взрывами дороге медленно двигалась вереница беженцев. Одни тащили на себе узлы с вещами и продуктами, другие тянули тележки с нехитрым скарбом. Дети молча шли рядом с родителями, вздрагивая от каждого звука. По обочине тащился измученный скот.

Поравнявшись с пожилым мужчиной, Дима наклонился и спросил:

– Дедушка, вы откуда?

Старик остановился, поднял на него покрасневшие глаза и молча махнул назад.

– А куда идёте?

– Куда глаза глядят, – устало ответил тот.

Он снял с головы выгоревшую кепку, протёр потный лоб, пригладил редкие седые волосы.

– А ты, сынок, куда путь держишь?

– В деревню. У нас продовольствие закончилось, – ответил Дима, провожая взглядом проходивших мимо него людей.

– В деревню? В какую деревню? Разбомбили её, деревню-то, вот, всё, что от неё осталось, – старик грустно кивнул в сторону своих немногочисленных попутчиков.

– Мне бы хоть воды набрать, – упавшим голосом проговорил Дима.

– Что ты, что ты, – замахал на него руками пожилой со-

беседник. – Все колодцы отравлены, все водоёмы завалены трупами.

Он напялил на голову кепку, хотел продолжить путь, но Дима спешился и схватил его за руку:

– Дедушка, подождите, пожалуйста.

Вытащив из кармана бумажный свёрток, он протянул его мужчине.

– Вот, возьмите, тут письма. Товарищ мой каждый день своей девушке..., – он запнулся перед последним словом, с трудом выговорил его в прошедшем времени, «...писал».

Его собеседник взял пачку, повертел в руках и удивлённо посмотрел на Диму. Свои последние послания Коля сворачивал треугольником, адрес подписывал на чистой стороне.

– У нас конверты закончились, – коротко пояснил Дима.

Заключительное сообщение было написано рукой командира отделения. Дядя Семён собрал все хорошие слова, называя рядового Фоменко и верным товарищем, и дисциплинированным солдатом, и отважным бойцом, и лишь в самом конце приписал: «Пал смертью храбрых, защищая Родину». Буквы прыгали вверх-вниз, выбивались из строки, отказывались складываться в эти безвозвратные слова.

Мужчина понимающе кивнул:

– Хорошо, сынок. Если выберемся отсюда – отошлю.

Он сунул письма за пазуху и затрусил за удаляющимися односельчанами.

– Спасибо, дедушка. Ну, а я рискну! – прокричал ему

вслед Дима.

Проводив беженцев глазами, Дима вскочил на коня и уже хотел отправиться дальше, как вдруг увидел на горизонте вражеские самолёты. Он приставил ладонь козырьком ко лбу и следил за их приближением в полной уверенности, что они не станут бомбить мирный обоз, а направятся к военным целям.

„Юнкерсы“ летели ровными рядами, как на параде, держа строгую параллель к земле, потом перестроились в одну колонну. Издалека казалось, что над дорогой повис змей-Горыныч. Чудище медленно опускало голову, за нею плавно снижались грязно-зелёные позвонки.

Люди и животные кинулись врассыпную. Матери накрывали детей своими телами. Пожилые супруги хватали друг друга за руки и падали вместе, так, чтобы ни осколки снарядов, ни пулемётные очереди не могли их больше разлучить. И все кричали, кричали от ужаса.

Скосив блестящий глаз, Фея встала на дыбы, перепрыгнула через придорожную канавку, но не успела удариться в бегство. Крупный осколок ударил в бок, и она грузно повалилась на землю. Диму отбросило взрывной волной. Он упал рядом с лошадьёю и потерял сознание. Он не слышал, как подъехал мотоцикл, не видел, как подошли двое в серой солдатской форме.

Высокий, мосластый солдат навёл на Диму дуло винтовки и попинал его в бок:

– Мёртвый?

– А чёрт его знает, – ответил второй.

Он был похож на первого, только чуть моложе и упитаннее. Нависшая надо лбом каска симметрично отражала крутой подбородок с выпяченной нижней губой.

– А вот мы сейчас проверим, – проговорил худощавый и хищно передёрнул затвор.

Знакомый щелчок ворвался в подсознание, разбудил инстинкт самосохранения. Дима поднялся на четвереньки. Он ещё не совсем пришёл в себя, и ему казалось, будто он до сих пор скачет на коне. Вцепившись пальцами в надломленные колосья, он забил ногами и захрипел:

– Но, но!

Схватившись руками за живот, согнувшись пополам и сведя вместе колени, молодой солдат топтался на месте огромными сапогами.

– Хельмут, держи меня, а то обмочусь, – всхлипывал он.

Его старший товарищ гоготал сдавленно, как сытый рождественский гусь, но по-прежнему не спускал с Димы глаз.

– Что это с ним, Хельмут? – простонал напоследок губошлёп.

– Похоже, контузия, – ответил бывалый.

– Контузия? А чё он тогда скачет?

– Это рефлекс. Ты когда-нибудь видел, как курицу режут?

– Не-е.

– Ну, Вернер, многое же ты потерял! Вот это я скажу тебе

– цирк. Ей башку отрубят, а она носится вокруг плахи, носится, пока не упадёт.

– Без головы?

– Ага, – Хельмут посерьёзней, вскинул винтовку. – Ну, так что – пристрелить?

Дима не понял всего диалога, однако уловил угрожающий смысл последнего высказывания. Он упал, уткнулся носом в землю и замер, притворяясь мёртвым.

– Не, Хельмут, погоди, пристрелить всегда успеешь. С контузией он всё равно далеко не убежит. Кстати, что он там лепетал?

– Чёрт его знает, вроде – „но, но“.

– Так он что, англичанин? – Вернер выпучил свои и без того огромные серые глаза.

– Да ну, – Хельмут обошёл вокруг Димы, нагнулся и ткнул дулом винтовки в красную звезду. – А это что?

От грубого толчка зазвенело в голове, и Дима снова потерял сознание.

– Это я и без тебя вижу. Но говорит-то он по-английски? – неуверенно возразил Вернер.

– Слушай, а может, он шпион?

Держа Диму на мушке, Хельмут вернулся на исходную позицию.

– Хм. Английский шпион в красноармейской форме? Не, если бы англичане кого-то и заслали, так к нам, а не к советам.

– Да, Вернер, ты прав, что-то не вяжется. А может, америкос?

– Янки? Скажи ещё австралиец. Знаешь, что, Хельмут? Не нашего ума это дело. Давай-ка, закинем его в люльку, да отвезём в штаб. Пусть они сами с ним разбираются.

Бунтарская щётка

– Марго! Сколько тебя ждать? Суп стынет! – разнёсся по дому раздражённый крик.

Маргарита вздрогнула. Выводить мать из терпения, особенно сегодня, вовсе не входило в её планы. Она собралась с духом, вышла из маленькой спальни, которую делила с сестрой, и хотела, как всегда, помчаться вниз, но вовремя спохватилась. Ветхий половик, заменивший добротную ковровую дорожку, мог в любую минуту съехать по деревянным ступеням. Тогда улетишь до самой прихожей.

С начала оккупации прошло чуть больше года. За этот небольшой промежуток времени отец обменял на продукты почти все мало-мальски ценные вещи: картины в позолоченных рамах, старинные гобелены, антикварный журнальный столик на гнутых ножках и секретер из красного дерева. На очереди стояли золотые украшения матери. Лишь семейную реликвию – синий фарфоровый сервиз производства королевской фабрики Royal Delft – родители решили сохранить любой ценой. Его завернули в газеты и убрали на чердак до лучших времён.

Их квартал находился вдали от промышленных районов и городского центра, а потому почти не пострадал от налётов немецкой авиации. В доме даже уцелели все окна. Вот только парикмахерская, которая до войны кормила всю

семью, практически опустела. Чтобы не обслуживать врагов, отец вынул из рамки над входом табличку с надписью „Kapperszaak“. В результате этого новых посетителей не прибавилось. А постоянные клиенты хоть и заглядывали в салон по старой памяти, но экономили на бородах и причёсках. Обмениваясь свежими новостями, они выпивали по несколько чашек кофе и приносили одни убытки.

Маргарита спустилась вниз. Пересекая узкий коридор, она споткнулась о повреждённую мозаичную плитку и тихо чертыхнулась. Она немного постояла у высокой зелёной двери, потом глубоко вздохнула и шагнула в столовую, которая одновременно служила гостиной.

Эта узкая длинная комната, которую мать называла „лонжей“ и обставила с подобающим шиком, находилась по другую сторону коридора – напротив парикмахерской. До войны в ней регулярно собирался почти весь квартал. После каждой вечеринки прижимистый отец раздражённо стучал на счётах. Подводя итоги финансового ущерба, он громко бурчал: «И к чему такая расточительность?» Но мать неизменно отвечала: «Контакты нужно смазывать регулярно, как велосипедную цепь». От былого великолепия остались лишь диван и несколько кресел с потёртыми сиденьями из зелёного плюша. Они сиротливо жались к блекло-розовым стенам с бордовыми следами от картин.

Домашние сидели вокруг овального стола, освещённого старой керосиновой лампой. Младшие сёстры давно распра-

вились с супом и неотрывно смотрели на пламя, как будто надеялись, что из закопчённой колбы выскочит Аладдин и снова наполнит тарелки до самых краёв.

Отец тоже закончил ужинать и пересел к окну, в свое любимое кресло-качалку. Он посасывал пустую курительную трубку и следил за стрелками напольных часов в ожидании вечернего „Голоса Борьбы Нидерландов“.

И только Беатрис, которой недавно исполнилось восемнадцать, с благопристойной миной скребла по лужице на дне тарелки. Старший брат Хэнк добродушно наблюдал за „светской львицей“, поглаживая редкие волоски на тяжёлом, как у отца, подбородке.

Мать буравила Маргариту глубоко запавшими, прищуренными глазами, гадая, что опять задумала эта „бунтарская шёлтка“. Наконец, колко спросила:

– Что стоишь, как вкопанная? Иль не голодна?

Маргарита расправила широкие плечи, независимым шагом обогнула стол, плюхнулась на стул и с вызовом откинулась на высокую спинку.

– Я записалась в Красный Крест! – провозгласила она, и, потряхнув тёмными упругими кудрями, принялась за еду.

Она долго готовилась произнести эту фразу. Она упражнялась перед зеркалом, пуская в ход весь голосовой диапазон, испробовав всю доступную мимику, но, задетая насмешливым тоном матери, выпалила её, как получилось.

Лицо матери покрылось красными пятнами. Она хватала

губами воздух, но не могла вымолвить ни слова. Отец перестал качаться. Вынув изо рта трубку, он постучал по серебряной пепельнице, стоящей на подоконнике, медленно повернул длинное, обтянутое пергаментной кожей лицо и недоумённо уставился на дочь.

– В какой Красный Крест? Марго, я правильно понял, ты собралась в Немецкий Красный Крест? – спросил он тихо, но внятно, сделав ударение на слове „немецкий“.

– Угу, – пробубнила Маргарита, склонившись над тарелкой.

В комнате воцарилась тишина. Она опутала чувства и нервы, парализовала так, что стало трудно дышать. Хотя Маргарита поклялась себе не оправдываться, она не выдержала и сорвалась:

– Ну, и что? Я хочу стать медсестрой, хочу лечить людей! Что здесь плохого?

– Людей? Каких людей? Захватчиков, которые разрушили нашу страну? – опомнилась мать. – Ты в своем уме?

Отец отвернулся к тумбочке, стоящей в простенке между окнами. Повторяя, как проклятье: «Немецкий Красный Крест, немецкий Красный Крест», он медленно крутил регуляторы радиоприёмника. Старушка „Minerva“ отхаркалась обрывками немецких слов, повыла на разных частотах и, наконец, выбралась на волну Radio Oranje.

– Рубите нацистские головы! – прорвался сквозь последние хрипы певучий женский голос.

– Слышишь? Наша королева призывает к сопротивлению,
– подхватила мать. – А ты?

– Вильгельмина? Ха! – презрительно фыркнула Маргарита. – А что же тогда сама-то смылась? Сидит себе в Лондоне, в безопасности. Попивает чаёк с королём Георгом. Чем она рискует? Ничем! Поднимите головы! Вот пусть сама сюда приедет и покажет мне, как это делать. Тогда я, может, и примкну к её „сопротивлению“.

Маргарита посягнула на святая святых, она задела честь Вильгельмины, всеми любимой и почитаемой правительницы Нидерландов. Такое кощунство привело мать в настоящее бешенство. Она, как Фурия, подлетела к дочери и залепила ей звонкую пощёчину.

– Надоело, всё надоело! – запальчиво закричала Маргарита, потирая горящую щёку.

Она перевела дыхание, прищурилась большими тёмно-серыми глазами и с презрением продолжила:

– А больше всего достала эта вонь. Меня от нее просто тошнит. Как будто круглые сутки жарим барбекю. Вот только мяса не видеть!

Забросанный авиабомбами, город долго и надрывно горел. Пожары уже давно прекратились, но запах гари разбежался по всем улицам, проник в каждый переулок, застрял в самых удалённых тупиках. Но больше всего ему полюбились подвалы. Он засиделся в них, как незванный гость. Он прижился в них навеки, и никакие силы не могли выгнать его из

этих укромных уголков.

Маргарита обвела взглядом сестёр, пристально посмотрела на старшего брата, ожидая если не поддержки, то хотя бы понимания, но они отводили глаза. Щека горела, но ещё больше жгла обида за это всеобщее отчуждение. Бросив ложку на скатерть, Маргарита вскочила на ноги и прокричала матери в лицо:

– И хватит меня колотить! Между прочим, я уже совершеннолетняя, и сама могу принимать решения.

– Пока ты сидишь за моим столом и ешь мой хлеб, решения здесь принимаю я! – рявкнул обычно миролюбивый отец и со всей силы хватил кулаком по краю тумбочки.

„Минерва“ прохрипела «не работайте на оккупантов», сбилась на вражескую волну и начала бодро вещать о последних успехах немецкой армии.

– Твой хлеб, отец, твой хлеб? И где же он, этот самый хлеб? Уж который месяц варим жижу на картофельной кожуре. В доме пусто. Почти всё вынесли. А когда менять будет нечего? Что тогда будем делать? Все клиенты разбежались, никому нынче не до причёсок. А все умные люди давно работают на немцев.

– Выходит, твой отец – дурак? – парировала мать, оскорбленно поджав тонкие губы.

Маргарита оторопела. Она вовсе не собиралась ссориться с отцом, тем более – называть его глупцом. Она вообще не хотела вступать в конфликт с семьёй. Зная отношение ро-

дителей к оккупантам, она все же надеялась убедить их в правильности своего решения. К сожалению, разговор принял совсем другой оборот. И опять благодаря матери, с её странным образом мышления и умением всё выворачивать наизнанку.

– Я вовсе не это имела в виду, – пробормотала она и повернулась к старшему брату. – Хэнк, а ты? Ты-то почему молчишь? Ведь ты же расхваливал „немецкое экономическое чудо“. Ты даже собирался работать в Германии. Ведь так?

– Так это когда было...

– Ну и что? Какая разница?

– Большая, Марго, очень большая. Тогда были мирные времена, а теперь немцы – захватчики!

– И работать на них – предательство, – тихо закончила Беатрис, подняв на Маргариту кроткие глаза.

– Трикси.... И ты?

Маргарита несколько секунд ошарашенно смотрела на сестру, потом опомнилась, заговорила сбивчиво, горячо:

– Как же так? Мы же с тобой, и вообще, захватчики, оккупанты.... А где были наши защитники? Немцы пришли в казармы, похлопали по плечу: „вставай, солдат, мы вас завоевали“. Всё проспали, всё!

– Неправда, Роттердам защищался, – отстаивала родной город Беатрис.

– Ну, да. Целых пять дней, – бросила Маргарита уже в

дверях и, еле сдерживая слёзы, выскочила из комнаты.

1942

Охота на дроф

Небо расчистилось и синело во всю ширь. Тем чернее казалось море, по которому ещё гулял последний апрельский шторм. Волны вздымались, накатывали друг на друга и устремлялись к берегу, словно хотели смыть царившее на нем опустошение. Разбившись о гальку, они с беспомощным шипением отступали назад.

Подойдя к изрешеченной пулями саманной стене, Франц присел на деревянное крыльцо. Он достал из кармана губную гармошку, поднёс к губам, продул, но не заиграл, а молча уставился вдаль.

«Так вот почему его называют „чёрным“. Не то, что наше, Северное – серое, как тучи, и горизонта не видать», думал он.

Франц вспомнил, как, наслушавшись рассказов старшего коллеги, уговорил Элизабет провести медовый месяц на морском побережье. Он не учёл лишь тот факт, что „идиллия, как в сказке“ длится с июня по август, а потом наступает „мёртвый сезон“.

Ему дали отпуск в ноябре. Северное море сразу показало свой буйный характер. Стальные волны хлестали по пес-

чаному пляжу. Свинцовые ветры гоняли по променаду жухлую листву, врывались в улицы и переулки. Казалось, от них гнутся не только деревья, но и уличные фонари. Разноцветные дома потонули в ртути дождя.

С годами из памяти стёрлись и ржавые подтёки на потолке маленькой полутёмной комнаты, и вечная промозглость, и узкая кровать с кочковатым матрацем, и волглые простыни. Осталась лишь романтика первых брачных ночей под шум прибоя и стоны старой вербы под окном.

Франц оторвался от морского буйства, скользнул глазами по берегу. Растоптанные танками сады, улицы и переулки, слились в одно большое серое месиво. Соломенные крыши сторели и провалились. Взрывные волны повыбивали окна и двери. Хаты зияли пустыми глазницами и лежали на холме, как огромные, выбеленные временем черепа. Некогда живописная крымская деревня стала похожа на кладбище великанов.

Шум приближающихся грузовиков прервал невеселые размышления. К ним прибыло пополнение. Новички ловко перепрыгивали через задние борта и строились вдоль дороги.

«Разойдись!», махнул рукой офицер из головной легко-ушки и приказал шофёру ехать в штаб.

Машины давно уехали, а новобранцы по-прежнему робко топтались на месте. Они поглядывали по сторонам, искали, к кому бы примкнуть, но бывалые солдаты не обращали на

них внимания.

Наконец, самый высокий из них и, по-видимому, самый решительный, оторвался от группы и подошёл к Францу, скаля на ходу белые ровные зубы.

– Привет! Это у тебя губная гармошка?

Глупый вопрос совсем не вязался с его пронизательным взглядом, по-видимому, он задал его лишь для того, чтобы как-то завязать знакомство.

– А-а, это? – Франц повертел в руках свой музыкальный инструмент и хитро прищурился. – Не, она только так выглядит. На самом деле это граната.

Парень тихо шмыгнул, опустил белесые ресницы и принялся ковырять носком сапога серую глину.

Франц беззастенчиво разглядывал новичка. Ему вспомнились фотографии из журнала „Вермахт“. У этого молодца было такое же до скуки безупречное лицо: открытый лоб, ясные глаза, породистый нос, твёрдый рот и мужественный подбородок, а главное – светлые, почти белые волосы. Новенькая форма сидела на нём так, словно её шил на заказ столичный портной. Франц даже представил себе подпись под фотографией: «Мы освободим Крым от красной заразы!»

Хоть наезжать на незнакомых людей не входило в его правила, он решил испробовать красавца „на зуб“ и спросил с нескрываемой насмешкой:

– Ты к нам что, прямо из „Гитлерюгенда“?

Молодой потербил фалды куртки, прошёлся длинными

пальцами по хрустящим портупейным ремням и поднял глаза.

– А-а, это? Не, это маскировка, – небрежно отмахнувшись, он продолжил. – На самом деле я уже на всех фронтах побывал.

Франц опешил: в озёрной глубине светился наглый вызов.

– Да, приятель. Видал я крутых парней. Только, скажу я тебе, короткая у них была жизнь. – Франц снова смерил новичка взглядом, потом смягчился. – Ладно, ладно, ничья: один – один.

Он подвинулся, указывая на свободное место:

– Да, ты садись. Штаны серые, на них пыли не видать. У тебя имя-то есть?

– Ну, да. Вольфганг, – коротко представился молодой и протянул руку.

Франц назвалса и ответил крепким рукопожатием.

После официального знакомства Вольфганг брякнулся на крыльцо, закинул ногу на ногу и развалился, как равный. Франц поднял правую бровь. Мелькнувшая в уголке глаза усмешка не укрылась от Вольфганга. Он отпрянул от щербатого косяка и принял более благопристойную позу.

– Так ты сразу со школьной скамьи или как? – дружелюбно поинтересовался Франц.

– Нет, не сразу, – Вольфганг выпрямился и заговорил бойко, будто чеканил зазубренный урок. – После окончания гимназии я прошёл начальную военную подготовку. Потом

получил краткосрочный отпуск и съездил к родителям. И вот, прибыл на боевые позиции, чтобы принять участие в „Охоте на дроф“.

– В „Охоте на дроф“ значит? – переспросил Франц бесцветным голосом, энергично продул губную гармошку и заиграл.

– Постой-ка, так ведь это.... Ну, да, точно! – пригнувшись, Вольфганг заглянул в лицо и подпел известную детскую песенку. – Святой Мартин скачет и в бурю, и в ночь, стремительный конь несет его прочь.

Франц согласно кивнул, но не прервал мелодию. Вольфганг притих, искоса разглядывая своего нового товарища.

Чуть выше среднего роста, стройный и плечистый, Франц, у которого к тому времени уже было двое детей, выглядел значительно моложе своего возраста. Черты его лица были такими разными, как будто он собрал их со всего мира. Неподдающаяся загару, как у народов Крайнего Севера, кожа выделялась своей белизной на фоне тёмных, слегка выующихся волос, более характерных для жителей южных широт. Восточные миндалевидные глаза контрастировали с прямым европейским носом. Это смешение стран и континентов дополняли усы д'Артаньяна, которые Франц отпускал „для солидности“ и голландский удлинённый подбородок с ямочкой.

Закончив игру, Франц убрал губную гармошку в карман. Он опустил голову, вонзил пальцы в кудри и заговорил мед-

ленно, с раздумьем:

– Вот ты, приятель, пришёл сюда, так сказать, на „охоту“. И ты думаешь, что с твоей помощью мы тотчас всех одолевем?

Он замолк и долго смотрел на серый склон. Между сло-манными колодезными журавлями он обнаружил абсолютно неповрежденный чугунок. Он висел на колышке от плет-ня чуть набекрень, как шляпа щёголя, и совсем не вязал-ся с картиной всеобщего опустошения. Не сводя с него глаз, Франц снова заговорил:

– Поначалу многие из нас спорили друг с другом – сколько времени понадобится, чтобы занять этот полуостров. Неко-торые даже заключали пари. Оптимисты уверяли, что хва-тит и двух недель, более трезвые головы давали защитникам Крыма три месяца. И вот прошло уже больше полугода, а мы то наступаем, то отступаем. По сути – топчемся на одном месте. Вот такая она, приятель, наша охота.

Нет праздника без безобразника

За весенними штормами на полуостров накинута бес-
пощадная жара. Пропитанная потом солдатская форма заду-
бела, как водолазный скафандр, и не пропускала воздух. Во-
преки уверениям армейских портных тонкое шерстяное сук-
но совсем не годилось для летнего сезона: грубые складки
тёрли под всеми ремнями, но больше всего досаждали под-
мышками и в паху. Хотелось раздеться догола и броситься
в море.

С сапогами дело обстояло ещё хуже. Сtisнутые со всех
сторон ступни разбухли, как дрожжевое тесто. Франц выта-
щил из голенищ и переложил в рюкзак две ручные гранаты и
полный винтовочный магазин, складной нож убрал в карман
брюк. Вольфганг последовал его примеру. Широкие низкие
раструбы из добротной коровьей кожи теперь хоть и обеспе-
чивали вентиляцию, но зато сильно хлябали по икрам и на-
тирали щиколотки. Подбитые многочисленными стальными
шипами, подкованные по носу и каблуку подошвы тяжелели
с каждым шагом.

Под вечер рота вошла в очередную крымскую станицу.
Распоряжение командира „расквартироваться до утра“ про-
звучало, как издевка: здесь не уцелела ни одна хата, ни один
дом.

Вольфганг и Франц оторвались от своих товарищей и

свернули в небольшой переулок. Они искали хоть какую-то тень – солнечные лучи даже на закате продолжали терзать шелушащиеся затылки. Тупик заканчивался каменной лестницей, которая исчезала под развалинами большого дома.

– Гляди-ка, – Вольфганг показал дулом винтовки на низкую деревянную дверь и уже шагнул на первую ступеньку, но более опытный товарищ отодвинул его в сторону:

– Стой, Вольф, здесь может быть засада.

Со словами:

– Прикрой меня, – он осторожно спустился по усыпанным глиняной крошкой, истёртым ступеням, приоткрыл дверь, сунул дуло в щель и прислушался. Ни звука, ни шороха. Он неуверенно обернулся – Вольфганг держал дверной проем на прицеле – и отважился заглянуть внутрь. Никого. Он осторожно протиснулся в прохладное подzemелье.

Глаза ещё не привыкли к темноте, а нос уже безошибочно определил тайное предназначение подвала: запах сырости и плесени смешался с терпкими винными ароматами. Выглянув наружу, он восторженно сообщил:

– Если это и ловушка, то алкогольная! – и приглашающе махнул рукой.

Вольфганг начал спускаться, но, услышав грохот, остановился на полпути и снова взял дверь на мушку.

– Что случилось? – спросил он громким шёпотом.

– Чёрт, темно, как в гробу. Побереги ноги, тут ещё несколько ступеней, – предупредил Франц.

Он опустил на нижнюю ступень, снял правый сапог и безглаголиво поморщился: из раструба разило лежалым козым сыром.

– Проклятые чоботы, а ведь должны удерживать сустав, – пробормотал он и принялся растирать подвёрнутую лодыжку.

– Ты жив? – Вольфганг заглянул в приоткрытую дверь.

– Жив, жив. Заходи – гостем будешь.

Вольфганг пригнул голову, вошёл внутрь и остолбенел.

Прямо напротив входа приветливо распахнул резные дверцы старинный шкаф, все стеллажи которого были заполнены винными бутылками. Разноцветные красавицы мирно дремали – каждая в своей нише – под одеялами из вековой пыли. Кто-то собрал здесь и, несмотря на изменчивость эпохи, сохранил довольно внушительную коллекцию вин.

У левой стены стояла широкая, сколоченная из отслужившей винной бочки, лавка. Под самым потолком просвечивало узкое, как амбразура окно. Снаружи его до половины завалили глиняные обломки, изнутри заплела густая паутина. Солнечные лучи пробились сквозь все барьеры и нарисовали на каменном полу горную гряду. Тени вершин легли на три круга, оказавшиеся днищами огромных дубовых бочек.

Они лежали на полу в глубокой каменной нише, расположенной справа от входа. Над ними на толстой доске покоились две такие же дородные подружки. Под тёмным, покрытым серыми потёками сводом, разместилась бочка чуть

меньших размеров.

Акробатическую композицию завершало изречение: «Умение пить не всем дано, умение пить – искусство. Тот неумён, кто пьёт вино без меры и без чувства». Слова были выведены над сводом четырьмя размашистыми красными дугами. Вольфганг попытался расшифровать старославянскую вязь, но споткнулся на первой же букве. Не постигнув глубины морали, он воскликнул:

– Ну и ну! – лихо прыгнул с лестницы, в два шага пересяк подвал и прильнул щекой к металлическому обручу. – О Боже! Сплошная духовная пища! Я уже на небесах?

– Пока нет. И не торопись туда, – хмыкнул Франц.

Тихо постанывая, он натянул сапог, прохромал к шкафу, вытащил наугад одну из бутылок и протёр её рукавом гимнастёрки.

– Ну-ка, что тут у нас?

Вольфганг вытянул шею и разочарованно обронил:

– Картинка уж больно простенькая.

– Тем лучше содержимое! Хорошее вино, как настоящая леди, одевается неброско, но со вкусом, – поучительно ответил Франц и принялся изучать наклейку.

Посередине, на размытом фоне были изображены виноградники и старинное винодельческое хозяйство, за ними – гора и огромное восходящее солнце. Рисунок был выполнен в приглушенных пастельных тонах. Тем сильнее – насыщенным янтарём – светилось содержимое бутылки.

– Слушай, пастор, ты ещё молитву над ней прочитай.

Вольфганг сглотнул слюну и потянулся за бутылкой, но Франц отгородился от товарища широким плечом:

– Да, погоди ты, приятель, что тут написано?

Шагнув влево, он встал прямо под окном.

– „Тока“ ..., – начал он, – Последнюю букву не разобрать. Слушай, неужели Токай?

– Ну, и что?

– Как что? Эх, приятель, ничего-то ты не понимаешь. Это же, как говорится, вино королей и король вин.

– Как сложно. Ещё ни капли не выпили, а уже мозги набекрень. А ты откуда знаешь?

– Послужи с моё на голландской границе – познакомишься с продукцией со всего мира. Чего только эти жулики не пытаются протащить без пошлины! Сигареты, кофе, ну, и, само собой – всякого рода алкоголь. А что касается „духовной пищи“. Хм.... Этому вину сам Шуберт посвятил опус. „Хвала Токайскому“ – слышал про такой?

– Аминь, – Вольфганг перекрестил воздух перед носом товарища. – Давай, откупорю.

Он вытащил из кармана складной окопный нож, выхватил бутылку и хотел продавить пробку внутрь, но Франц остановил его:

– Елки-палки! Приятель, ты так только пробку раскрошишь. Дай сюда! Я знаю способ лучше.

На левой дверце шкафа тускло поблёскивала латунная за-

щёлка, на тонком язычке которой висел небольшой якорь. Скобу сувенира украшали три кольца, веретено обвивала патронажная лента, на чеке виднелись цифры – 1696, под ними – „Принципіумъ“, по-видимому, год постройки и название боевого корабля. В щербинах и бороздах бронзового литья притаилась бирюзовая пatina.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.